
History and Historians in the Context of the Time

Has been issued since 2003.
ISSN 2078-1296
2014. Vol.(12). № 1. Issued 2 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Cherkasov Aleksandr – Sochi State University, Sochi, Russia (Editor-in-Chief)
PhD Mamadaliev Anvar – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Natolochnaya Ol'ga – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russia

EDITORIAL BOARD

Dr. Bäckman Johan – University of Helsinki, Helsinki, Finland
Dr. Krinko Evgenii – Institute of Social, Economic and Humanitarian Research of SSC RAS, Rostov-on-Don, Russia
Dr. Kolesnik Irina – Institute of Ukrainian History, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
Dr. Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarusian State, Minsk, Belarus
Dr. Rozhkov Aleksandr – Kuban State University, Krasnodar, Russia
Dr. Senyavskaya Elena – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia
Dr. Yanysh Sergei – Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (USA), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Google scholar** (USA), **Directory of Open Access Journals** (Sweden), **Index Copernicus** (Poland), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ULRICH's WEB** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitutcii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal3.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.04.14.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Yeh. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 202.

2014

№ 1

Издается с 2003 г. ISSN 2078-1296
2014. № 1 (12). Выходит 2 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Черкасов Александр – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
(Гл. редактор)
Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Натолочная Ольга – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бекман Йохан – Университет г. Хельсинки, Хельсинки, Финляндия
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Колесник Ирина – Институт истории Украины НАН Украины, Киев, Украина
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Рожков Александр – Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
Сенявская Елена – Институт российской истории РАН, Москва, Россия
Януш Сергей – Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь, Россия

Журнал индексируется в: **Cross Ref** (США), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (США), **Electronic scientific library** (Россия), **Global Impact Factor** (Австралия), **Google scholar** (США), **Directory of Open Access Journals** (Швеция), **Index Copernicus** (Польша), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ULRICH's WEB** (США).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal3.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Подписано в печать 16.04.14.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 202.

CONTENTS

Articles and Statements

Transformations in Land Tenure and Land Use in the Towns and Boroughs of Podolia as Part of the Russian Empire Elena Krymskaja	4
The Last Courtier: Aleksandr Sergeyeovich Taneyev (1850-1918) I.S. Ratkovsky, N.A. Ratkovskaya	12
Loan Documentation of the Ancient Rome Imperial Alimentary Fund (Tabula «Veleia») Michael N. Saiko	24
Ukrainian Peasants' Perception of the Image of Nikolay II during World War I (based on Materials on the Poltava Governorate) Viktor I. Sarancha	37
“Declarations of Emotional Independence” in Soviet Poetry in the 1930s: A Historical-Sociological Analysis Irina G. Tazhidinova	48
Various Causes of the Stagnation of Rural Production in Slovakia During the Collectivisation 1951–1952 Vladimir Varinsky	55

Reviews and surveys

Kudinov D.V. Sumy liberals in the Russian Liberation Movement, 1901-1906: Regional dimension: monograph / D.V.Kudinov. – Sumy: Printing House "Papyrus", 2013. – 160 p. Sergey I. Degtyarev	62
--	----

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2014.
ISSN: 2078-1296
Vol. 12, No. 1, pp. 4-11, 2014

DOI: 10.13187/issn.2078-1296
www.ejournal3.com

Articles and Statements

UDC 94 (477.43) "17/19" (043.3)

Transformations in Land Tenure and Land Use in the Towns and Boroughs of Podolia as Part of the Russian Empire

Elena Krymskaja

Kamenetz -Podolsk National University, Ukraine
29015, Ukraine, Khmelnytsky region, Khmelnitsky, Str. Zarechanskaya 10/4, m. 410 A
PhD student
Researcher at the State Archive of Khmelnitsky region
E-mail: olena_07@inbox.ru

Abstract. On the strength of analysis of legislative acts passed in the Russian Empire and a whole range of archive materials, the author attempts to mark out the characteristics of and changes in land relations in the towns and boroughs of the Podolia Governorate for the period from the late 18th to the mid-19th centuries.

Keywords: land relations, towns, boroughs, land tenure, Podolia Governorate, Russian Empire.

Введение.

Проблема земельных отношений в городах Правобережной Украины конца XVIII – середины XIX в. одна из сложных и мало освещенных в историографии. Вместе с тем, отметим, что отдельные аспекты проблемы фрагментарно привлекали внимание исследователей. В дореволюционные времена немалый вклад для воссоздания истории городов и местечек Подолья этого времени сделали: П. Батюшков [1], В. Воронин [2], В. Гульдман [3], Ю. Сицинский [4], в советские времена – И. Гуржий [5], в период государственной независимости Украины – С. Борисевич [6], А. Реент, А. Задорожнюк [7] и др. В последнее время защищен ряд кандидатских диссертаций, в которых раскрыты отдельные аспекты регулирования земельных отношений в городах и местечках Правобережья. Вне поля зрения исследователей остались земельные отношения в Подольской губернии указанного времени. Современное состояние исторической науки требует комплексного исследования и анализа землевладения городов и местечек как Подольской губернии так и Украины в целом.

Материалы и методы.

Основными источниками для написания данной статьи стали материалы государственного архива Хмельницкой области, законодательные акты Российской империи. В работе использованы историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи, статистического анализа,

который помог, показать количественные изменения земельной собственности в городах и местечках края.

Обсуждение.

Большинство населенных пунктов края, как и всей Правобережной Украины, в конце XVIII в. входили в состав магнатских или шляхетских владений [8, с. 454]. Наряду с ними были и свободные города, или как их тогда называли, бывшие королевские. Некоторые из них пользовались подаренными польскими королями земельными угодьями и магдебургским правом. Одновременно в городах существовала достаточно сложная система землепользования и землевладения, включавшая государственную (казенную), частную, старостинскую и церковную формы собственности. Вполне закономерно, что поземельные отношения в городах и местечках края зависели прежде всего от их правового статуса [9, л. 14].

В Российской империи до 1785 г. не существовало частной земельной собственности и частного крепостного права. Земля принадлежала государству. Собственник не владел землей де-юре, а лишь по милости монарха. Екатерина II, включая бывшие польские провинции в состав своего государства, подтвердила неприкосновенность земельных и крепостных прав магнатов и шляхты. Однако, на их территорию перенесла силу грамоты от 1785 г., которая и положила начало передачи помещичьих имений с крестьянами в частную собственность. С этого времени, личное крепостное право, как уступка, продиктованная обстоятельствами времени, стало легитимным.

После 1793 г. на города Правобережной Украины, которые не пользовались магдебургским правом и не находились в частной собственности, было распространено законодательство царской империи с соответствующими принципами управления. Их земля стала государственной собственностью и перешла в общественное пользование. То есть, было законодательно закреплено верховенство на государственную собственность и введено подконтрольное государству городское управление, которое выбиралось на основании имущественного ценза от 6 категорий населения. По приказу царицы уездные города начали выкупать у владельцев в казну. Фактически все города Подольской губернии постепенно вышли из-под юрисдикции старостинских владельцев. Подтверждением этого служил указ Екатерины II от 2 мая 1795 г. на имя генерал – губернатора Минской, Изяславской и Брацлавской губерний: “Чтобы казенным уездным городам были присвоены все те же права, выгоды и привилегии, которыми пользовались русские города по нормам грамоты от 21 апреля 1785” [10, с. 559].

Отметим, что администрация проводила свою политику осторожно, но последовательно. Пользуясь пребыванием в регионе огромного количества войск и установления военно-административного управления, царица уделила большое внимание выяснению вопроса земельной собственности. Тайным рескриптом от 8 декабря 1792 г. приказала командующему российских войск, дислоцированных в Правобережной Украине, генералу Кречетникову собрать сведения о состоянии государственных имений и описания их для определения принципов управления ими и надзора за хозяйственной деятельностью их владельцев [11, с.119; 12].

Следующим шагом была объявлена 23 июня 1794 г. общеимперская ревизия государственных имуществ. [13, л. 14-88]. Представители российской власти столкнулись с впечатляющими масштабами как частных, так и государственных имений в Правобережной Украине, а также отсутствием четких границ между государственными и частными земельными угодьями, поскольку разграничение их по законодательству Речи Посполитой никогда не проводилось. Такое положение вещей было причиной злоупотреблений с целью присоединения государственных угодий к соседним частным поместьям.

Осуществляя инкорпорацию Правобережной Украины, самодержавие провело в регионе целый ряд административно-территориальных преобразований. В числе первых мероприятий, с помощью которых начали регулировать большинство вопросов жизнеобеспечения подольских городов, стало создание на их базе губернского и уездных центров региона [14, с. 222].

Но этими мерами процесс территориальных изменений не был завершен. Масштабность и сложность устройства присоединенных земель обусловили, с одной

стороны, значительное внимание правительства к этому вопросу, с другой – необходимость постоянно вносить соответствующие коррективы. Сложность создавала необходимость проведения разграничения с сохранением неприкосновенности казенных земель и частной собственности магнатов и шляхты, которые выступали опорой самодержавия. Поэтому, первоочередной задачей было проведение размежевания с учетом интересов местных землевладельцев. Эти обстоятельства требовали дополнительного времени в решении спорных вопросов разделения [15, с. 200]. На темпы внутреннего межевания существенное влияние оказывала и практика дарения царской властью украинских земель русским и польским дворянам, что, в свою очередь усложняло процесс размежевания. Кроме того, втягивание казенных и магнатских поместий в товарно-денежные отношения, сопровождалось изменением их владельцев и новым распределением земель. К тому же правительство искало пути лучшего управления и контроля за плодородными землями и использования в интересах империи геополитически выгодного расположения территории присоединенного края.

В мае 1804 г. был издан очередной императорский указ, основной задачей которого было немедленное разграничение земель [16]. Как следствие, окончательно была сформирована Подольская губерния. В том же году издано новое штатное расписание, согласно которому формировались 12 уездов: Каменецкий, Брацлавский, Винницкий, Гайсинский, Летичевский, Литинский, Могилевский, Ольгопольский, Проскуровский, Ушицкий и Ямпольский [17, с. 200]. Реализация же всех мероприятий по межеванию присоединенных украинских земель по установленным в Российской империи стандартам было завершено в конце 1806 г.

С присоединением Подолья к России, территория края попала в ее правовое поле, нормативные документы которой регулировали все сферы жизни его населения. Вся система мер самодержавия направлялась на колониальную зависимость украинских территорий. Поэтому, решающее место отводилось распространению на новые земли общеимперской судебной-правовой системы, как одного из главных атрибутов государства. Однако осуществлялось это не одноразовыми решениями, а путем принятия целого ряда юридических документов. Переход осуществлялся в несколько этапов: сначала издавались императорские указы, а с 1802 г. – указы правительственного сената [18, 19, 20]. В течении 1796-1805 гг. было издано более 30 императорских и сенатских указов по вопросам административно – территориального устройства этих земель [21, с. 200].

После завершения в 1797 г. ревизии государственного имущества перед властями встал вопрос: как относиться к тем формам владения государственным недвижимым имуществом в крае, существование которых не предполагало российское законодательство? Его решил Сенат 11 сентября 1797 г. приказав судебным учреждениям Волынской, Подольской и Минской губерний руководствоваться в своей деятельности по решению поземельных отношений “... теми же правилами, которыми суды ранее руководствовались” [22, с. 1].

Итак, в регионе оставались действующими прежние законы, то есть не прекращалось регулятивное действие Литовского статута и сеймовых решений. Этот промежуток времени характеризовался определенными особенностями: сочетание характерных черт землевладения и землепользования времени польского господства и свойственных Российской империи; сосуществования польско-литовской и российской нормативно-правовой базы.

Первый законодательный документ поземельного урегулирования направлялся на обеспечение неприкосновенности частной собственности. Указом от 27 марта 1793 г. на польскую шляхту распространялись права и привилегии, которыми пользовались русские дворяне, а указом от 30 октября 1794 г. за польскими помещиками сохранялись права частной собственности на недвижимые имения и крепостных крестьян [23, с. 13]. Следующим шагом стал императорский указ от 29 ноября 1799 о наделении городам Подольской губернии 2-х верстной пропорции выгона земли [24, с. 519]. Межевая контора, с целью проведения генерального межевания в Подольской губернии, начала функционировать с 1801 г. [25, с. 358-361].

Отграничение 2-х верстной и оброчной пропорции земли для городов Подольской губернии проводилось постепенно и растянулось на длительное время. В частности, в 1801 г. это было сделано в г. Летичеве, до 1803 г. – в Проскурове, в 1809 г. – Вербовце, до 1813 –

Виннице, до 1822 г. – Балте. Полностью наделение земли городам и местечкам в Подольской губернии было завершено в 1825 г. [26, л. 1-44, 27, л. 32-38, 28, л. 27-65, 29, л. 12]. Окончательное же составление планов земель, их ограничение и решения всех споров между городами и частными землевладельцами, церквями, костелами, крестьянами, нарезка участков оброчной земли продолжалась до середины 50-х гг., а в некоторых поселениях – вплоть до XX века.

Стоит заметить, что характерной чертой развития городов и местечек в Подольской губернии была их количественная динамика. В частности, в 1800 губерния состояла из 12 уездов в пределах которых насчитывалось 12 уездных и 2 заштатных (приписных) города и 83 местечка [30, с. 65-66]. В 1804 г. изменилась только количество местечек (88), а в 1836 г. функционировало 7 заштатных городов (Смотрич, Вербовец, Старая Ушица, Хмельник, Сальница, Бар, Цекиновка), 115 местечек [31, л. 6; 32, с. 383].

Несмотря на свой статус, каждое городское поселение в пределах Российской империи, в том числе и в Подольской губернии имело свои земли и находилось в прямой зависимости от них [33, с. 358]. Обращая внимание, например на Городок, Смотрич, Шатаву, Тарноруду, Ярмолинцы и др. подчеркнем, что в архивных документах обязательно указывается владелец поселения и размер городской земли (в десятинах). В частности, если Городок принадлежал графине Гейсмар, Смотрич – графу Потоцкому, то другие – Шатава, Тарноруда, Ярмолинцы, соответственно принадлежали – Ивану и Адаму Рациборским, Тусу Мальчевскому, Александру Орловскому, Людвигу и т. д. Указанные города и местечки имели следующие размеры землевладений: Городок – 6580, Смотрич – 1417, Шатава – 1327, Тарноруда – 1861, Ярмолинцы – 2708, Тарноруда – 1343 десятин и т. д. [34, л. 2-11].

Важно подчеркнуть, что многие города и местечки региона в исследуемый период были частнособственническими и распределялись между разными собственниками, а соответственно этому формировались и их земельные наделы. Например, местечко Збрыж было распределено между 9-ю владельцами: Вацивским, Абриневим и Беляевым, Грабовским, Порушевским, Сабанских, Маковским, Зелинским, Добрянанским и Вацовский. Каждый владелец городка имел и свой земельный надел [35, л. 14-27]. Из всех названных фамилий только Елена Зелинская не имела земель. В общем Збрыжу в 1845–1850 гг. принадлежало более 2960 десятин земли [36, л. 9]. Много собственников было и в Михалшолле [37, л. 12], Красном [38, л. 8], Ямполье [39, л. 6], Солобковцах [40, л. 9], Чемеровцах [41, л. 7] и т.д. Местечко Красное удерживало до 15 владельцев, каждый из которых также владел конкретным размером земельных угодий [42, л. 7-8]. В сумме земельные наделы Красного составляли 8844 десятины. В местечке Солобковцы числилось 12 владельцев, из которых больше землевладений сосредоточивалось в Матфея Хелминского, Ивана и Викентия Задишковских. Размеры землевладений достигали 11557 десятин. [43, л. 7-9, 44, л. 5-6, 45, л. 7-8, 46, л. 9-10, 47, л. 1, 48, л. 7-8, 49, л. 9-11, 50, л. 7-8, 51, л. 7-8, 52, л. 7-8].

Анализ архивных источников дает возможность в пределах городских и местечковых землевладений проследить различные формы их использования: под застройку, усадьбы, сады, огороды, леса, кустарники, сенокосы, вспашку и т.д. [53, л. 12]. Города и местечки Подольской губернии пользовались окружающей землей только с разрешения городского управления или магната, юридически продолжали оставаться ее владельцами. Что касается частных городов, то передавая городской общине на “вечные времена” определенную часть земельных угодий, владелец одновременно требовал от мещан выполнения целого ряда повинностей. Жители городов и местечек облагались двойными налогами – отработывали барщину (как зависимые крестьяне) и платили оброк (как мещане) за пользование землей (плата за дома и огороды, наем лавок и аренда земли). Эти нормы подтверждались и правительством [54, с. 18].

Заключение.

Итак, со времени присоединения территории Подолья к России и до 40-х годов XIX в. царская власть не решилась ликвидировать польские законодательные и обычные нормы, регулирующие поземельные отношения в Правобережной Украине. Она только прибегла к постепенному распространению гражданского законодательства Российской империи в крае. Таким образом, четыре десятилетия в регионе царила уникальная ситуация, когда в

юридическої практиці, в залежності від обставин, користувалися законодавством і Речі Посполитої, і Російської імперії. Цей юридический симбіоз сприяв поширенню в краї спорів щодо прав на земельні володіння і обмежував державний контроль за цим процесом.

Поземельні взаємовідносини в приватновласницьких містах і містечках Подолля з часу переходу до влади Російської імперії мали певні особливості. По-перше, з поширенням на регіон правового поля царської Росії виявилось, що в імперії подібна форма власності і система її регулювання не застосовувалась. Враховуючи це, влада змушена була визнати інститут приватної власності в міських поселеннях регіону. Як наслідок такої політики, надмірно велика кількість містечок краю залишилась в приватній власності до 1917 р. По-друге, після скасування діяльності Литовського статуту і поступової уніфікації законодавства населення містечок було закріплено, а власникам дозволялось управляти маєтком і життям фортечних по своєму усмотрению. Але такими привілеями користувались тільки ті власники, які повністю відокремили політику царизма.

Примечания:

1. Батюшков П.Н. Подолля. Историческое описание / П. Н. Батюшков. – СПб., 1891. – 100 с.
2. Воронин А. Записки о владельческих городах и местечках Юго-Западного края / А. Воронин. – К.: Тип. Е.Я. Федорова, 1869. – Ч. 1. – 140 с.
3. Гульдман В. К. Поместное землевладение Подольской губернии (Настольно-справочная книжка для землевладельцев и арендаторов) / В. К. Гульдман. – Издание 2-е, исправленное и значительно дополненное. – Каменец- Подольский: Тип. С. П. Киржацкого, Николаевская площадь, д. № 5., 1903. – 570 с.
4. Сецинский Е. К столетию присоединения Подолля с Россией (Сборник статей под ред. Е. Сецинского 1793 – 1893). – Каменец – Подольский, 1893. – XII. – 150 с.
5. Гуржій І. О. Розвиток товарного виробництва і торгівлі на Україні: (з кінця XVIII ст. до 1861 р.) / І. О. Гуржій. – К.: Вид-во Академії наук УРСР, 1962. – 207 с.
6. Борисевич С. О. Законодавче регулювання поземельних відносин у Правобережній Україні (1793-1886): монографія / С. О. Борисевич. – К.: Вид-во НАДУ, 2007. – 424 с.
7. Задорожнюк А. Б. Промислове виробництво в містах і містечках Подільської губернії кінця XVIII – початку XX ст. / Андрій Задорожнюк, Олександр Реєнт. – К.: Ін-т історії України НАН України, 2008. – 270 с.
8. История Украинской ССР. – В 10 т. – Т. 3. – К.: Наукова думка, 1983. – 719 с.
9. Держархів Хмельницької області (далі ДАХО), ф. 227, оп. 1, спр. 567, 93 арк.
10. ПСЗРИ-1. – Т. 22. – СПб., 1830. – № 16187. – С. 344-358.
11. О присоединении к России украинских земель Речи Посполитой // Сборник документов, касающихся административного устройства Северо-Западного края при Императрице Екатерине (1792-1796). Вильна. б/и, 1903.
12. ПСЗРИ-1. – Т. 23. – СПб., 1830. – № 17090. – С. 388-391.
13. ДАХО, ф. 227, оп. 1, спр. 567, 93 арк.
14. Філінюк А. Зміни в політико-правовому статусі та управлінні міст і містечок Правобережної України наприкінці XVIII – у першій половині XIX ст. // А. Г. Філінюк, О.Л. Кузема // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету. Історичні науки. - Кам'янець - Подільський: Оіом, 2001. – Т. 7. – С. 221 – 229.
15. Філінюк А. Г. Розмежування губерній Правобережної України в 1801 – 1806 роках / А. Г. Філінюк // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету. Історичні науки. – Кам'янець – Подільський: Оіом, 2008. – Т. 18 (На пошану професора В.С. Степанкова). – С. 198–208.
16. ПСЗРИ-1. – Т. 28. – СПб., 1830. – № 21404. – С. 456.
17. Філінюк А. Г. Розмежування.. – вказана праця.
18. ПСЗРИ-1. – Т. 26. – СПб., 1830. – № 20004. – С. 775-779.
19. ПСЗРИ-1. – Т. 27. – СПб., 1830. – № 20684. – С. 509-510, ПСЗРИ-1. – Т. 28. – СПб., 1830. – № 21366. – С. 404-406.
20. ПСЗРИ-1. – Т. 28. – СПб., 1830. – № 21861. – С. 1150-1152.

21. Філінюк А. Г. Розмежування. – вказана праця.
22. Бершадский С.А. Литовский статут и Польская конституция. (Историко-юридическое исследование). – СПб., 1893.
23. Кривошея И. Демагнатаризация латифундий на Правобережной Украине (первая треть XIX с.): Уманское имение Потоцких // Социальная трансформация и межэтнические отношения на Правобережной Украине: XIX – начало XX вв. – Саррото-Москва, 2005. – С. 56-69.
24. Свод законов Российской империи // Под ред. Добровольского А. Кн. 3, Т. 10 – 13. – СПб., 1913.
25. ПСЗРИ-1. – Т. 22. – СПб., 1830. – № 16187. – С. 344-358.
26. ДАХО, ф. 115, оп. 2, спр. 34, 44 арк.
27. ДАХО, ф. 115, оп. 1, спр. 1326, 191 арк.
28. ДАХО, ф. 115, оп. 1, спр. 651, 71 арк.
29. ДАХО, ф. 132, оп. 1. т.1, спр. 842, 20 арк.
30. Описи Подільської губернії (1800 та 1819 рр.) / Упоряд.: Ю. С. Земський, В.В. Дячок. Хмельницький: ХНУ, 2005. – С. 65 – 66.
31. ДАХО, ф. 115, оп. 1, спр. 59, 22 арк.
32. Задорожнюк А. Б. Адміністративний устрій та правовий статус міст і містечок Поділля наприкінці XVIII – на початку XX ст. / А. Б. Задорожнюк // Матеріали XI Подільської історико-краєзнавчої конференції (до 60-річчя визволення України від німецько-фашистських загарбників). – Кам'янець-Подільський: Оіюм, 2004. – С. 379-390.
33. ПСЗРИ-1. – Т. 22. – СПб., 1830. – № 16187. – С. 344-358.
34. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 379, 21 арк.
35. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 527, 65 арк.
36. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 385, 16 арк.
37. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 654, 19 арк.
38. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 1193, 13 арк.
39. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 1337, 15 арк.
40. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 1195, 55 арк.
41. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 446, 9 арк.
42. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 1193, 13 арк.
43. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 1277, 14 арк.
44. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 1275, 13 арк.
45. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 1276, 14 арк.
46. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 1273, 17 арк.
47. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 1272, 9 арк.
48. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 1271, 14 арк.
49. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 1269, 17 арк.
50. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 1195, 15 арк.
51. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 1194, 15 арк.
52. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 1193, 13 арк.
53. ДАХО, ф. 241, оп. 1, спр. 1340, 32 арк.
54. Подольские губернские ведомости. – 1845. – № 32.

References:

1. Batyushkov P.N. Podoliya. Istoricheskoe opisanie / P. N. Batyushkov. – SPb., 1891. – 100 s.
2. Voronin A. Zapiski o vladel'cheskikh gorodakh i mestechkakh Yugo-Zapadnogo kraya / A. Voronin. – K.: Tip. E.Ya. Fedorova, 1869. – Ch. 1. – 140 s.
3. Gul'dman V. K. Pomestnoe zemlevladienie Podol'skoi gubernii (Nastol'no-spravochnaya knizhka dlya zemlevladel'tsev i arendatorov) / V. K. Gul'dman. – Izdanie 2-e, ispravlennoe i znachitel'no dopolnennoe. – Kamenets-Podol'skii: Tip. S. P. Kirzhatskogo, Nikolaevskaya ploshchad', d. № 5., 1903. – 570 s.
4. Setsinskii E. K stoletiyu prisoedineniya Podoliya s Rossiei (Sbornik statei pod red. E. Setsinskogo 1793 – 1893). – Kamenets – Podol'skii, 1893. – XII. – 150 s.
5. Gurzhii I. O. Rozvitok tovarnogo virobnitstva i torgivli na Ukraïni: (z kintsya KhVIII st. do 1861 r.) / I. O. Gurzhii. – K.: Vid-vo Akademii nauk URSR, 1962. – 207 s.

6. Borisevich S. O. Zakonodavche reguluyuvannya pozemel'nikh vidnosin u Pravoberezhnii Ukraïni (1793-1886): monografiya / S. O. Borisevich. – K.: Vid-vo NADU, 2007. – 424 s.
7. Zadorozhnyuk A. B. Promislove virobnitstvo v mistakh i mistechkakh Podil's'koï gubernii kintsya KhVIII – pochatku KhKh st. / Andrii Zadorozhnyuk, Oleksandr Reent. – K.: In-t istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 2008. – 270 s.
8. Istoriya Ukrainskoi SSR. – V 10 t. – T. 3. – K.: Naukova dumka, 1983. – 719 s.
9. Derzharkhiv Khmel'nits'koï oblasti (dali DAKhO), f. 227, op. 1, spr. 567, 93 ark.
10. PSZRI-1. – T. 22. – SPb., 1830. – № 16187. – S. 344-358.
11. O prisoedinenii k Rossii ukrainskikh zemel' Rechi Pospolitoi // Sbornik dokumentov, kasayushchikhsya administrativnogo ustroistva Severo-Zapadnogo kraya pri Imperatritse Ekaterine (1792-1796). Vil'na. b/i, 1903.
12. PSZRI-1. – T. 23. – SPb., 1830. – № 17090. – S. 388-391.
13. DAKhO, f. 227, op. 1, spr. 567, 93 ark.
14. Filinyuk A. Zmini v politiko-pravovomu statusi ta upravlinni mist i mistechok Pravoberezhnoï Ukraïni naprikintsi KhVIII – u pershii polovini KhIKh st. // A. G. Filinyuk, O.L. Kuzema // Naukovi pratsi Kam'yanets'-Podil's'kogo natsional'nogo universitetu. Istorichni nauki. - Kam'yanets' - Podil's'kii: Oiyum, 2001. – T. 7. – S. 221 – 229.
15. Filinyuk A. G. Rozmezhuvannya gubernii Pravoberezhnoï Ukraïni v 1801 – 1806 rokakh / A. G. Filinyuk // Naukovi pratsi Kam'yanets'-Podil's'kogo natsional'nogo universitetu. Istorichni nauki. – Kam'yanets' – Podil's'kii: Oiyum, 2008. – T. 18 (Na poshanu profesora V. S. Stepankova). – S. 198–208.
16. PSZRI-1. – T. 28. – SPb., 1830. – № 21404. – S. 456.
17. Filinyuk A. G. Rozmezhuvannya.. – vkazana pratsya.
18. PSZRI-1. – T. 26. – SPb., 1830. – № 20004. – S. 775-779.
19. PSZRI-1. – T. 27. – SPb., 1830. – № 20684. – S. 509-510, PSZRI-1. – T. 28. – SPb., 1830. – № 21366. – S. 404-406.
20. PSZRI-1. – T. 28. – SPb., 1830. – № 21861. – S. 1150-1152.
21. Filinyuk A. G. Rozmezhuvannya. – vkazana pratsya.
22. Bershadskii S.A. Litovskii statut i Pol'skaya konstitutsiya. (Istoriko-yuridicheskoe issledovanie). – SPb., 1893.
23. Krivosheya I. Demagnatarizatsiya latifundii na Pravoberezhnoi Ukraine (pervak tret' XIX s.): Umanskoe imenie Pototskikh // Sotsial'naya transformatsiya i mezhetnicheskie otnosheniya na Pravoberezhnoi Ukraine: XIX – nachalo XX vv. – Sapporo-Moskva, 2005. – S. 56-69.
24. Svod zakonov Rossiiskoi imperii // Pod red. Dobrovol'skogo A. Kn. 3, T. 10 – 13. – SPb., 1913.
25. PSZRI-1. – T. 22. – SPb., 1830. – № 16187. – S. 344-358.
26. DAKhO, f. 115, op. 2, spr. 34, 44 ark.
27. DAKhO, f. 115, op. 1, spr. 1326, 191 ark.
28. DAKhO, f. 115, op. 1, spr. 651, 71 ark.
29. DAKhO, f. 132, op. 1. t.1, spr. 842, 20 ark.
30. Opisi Podil's'koï gubernii (1800 ta 1819 rr.) / Uporyad.: Yu. S. Zems'kii, V. V. Dyachok. Khmel'nits'kii: KhNU, 2005. – S. 65 – 66.
31. DAKhO, f. 115, op. 1, spr. 59, 22 ark.
32. Zadorozhnyuk A. B. Administrativnii ustrii ta pravovii status mist i mistechok Podillya naprikintsi XVIII – na pochatku XX st. / A. B. Zadorozhnyuk // Materiali KhI Podil's'koï istoriko-kraeznavchoï konferentsii (do 60-richchya vizvolennya Ukraïni vid nimets'ko-fashists'kikh zagarniv). – Kam'yanets'-Podil's'kii: Oiyum, 2004. – S. 379-390.
33. PSZRI-1. – T. 22. – SPb., 1830. – № 16187. – S. 344-358.
34. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 379, 21 ark.
35. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 527, 65 ark.
36. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 385, 16 ark.
37. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 654, 19 ark.
38. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 1193, 13 ark.
39. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 1337, 15 ark.
40. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 1195, 55 ark.
41. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 446, 9 ark.

42. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 1193, 13 ark.
43. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 1277, 14 ark.
44. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 1275, 13 ark.
45. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 1276, 14 ark.
46. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 1273, 17 ark.
47. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 1272, 9 ark.
48. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 1271, 14 ark.
49. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 1269, 17 ark.
50. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 1195, 15 ark.
51. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 1194, 15 ark.
52. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 1193, 13 ark.
53. DAKhO, f. 241, op. 1, spr. 1340, 32 ark.
54. Podol'skie gubernskie vedomosti. – 1845. – № 32.

УДК 94 (477.43) “17/19” (043.3)

Трансформации в землевладении и землепользовании городов и местечек Подолья в составе Российской империи

Елена Николаевна Крымская

Каменец-Подольский национальный университет, Украина
29015, Хмельницкая область, г. Хмельницкий
ул. Заречанская 10/4, кв. 410 А
соискатель
научный сотрудник Государственного архива Хмельницкой области
E-mail: olena_07@inbox.ru

Аннотация. На основе анализа законодательных актов Российской империи и целого ряда архивных материалов, автор сделал попытку выделить особенности и изменения земельных отношений в городах и местечках Подольской губернии с конца XVIII до середины XIX вв.

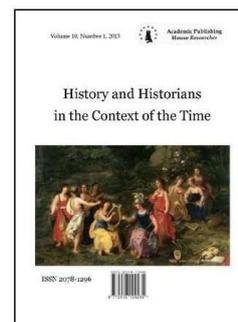
Ключевые слова: земельные отношения, города, местечка, землевладения, Подольская губерния, Российская империя.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2014.
ISSN: 2078-1296
Vol. 12, No. 1, pp. 12-23, 2014

DOI: 10.13187/issn.2078-1296
www.ejournal3.com

UDC 93/94

The Last Courtier: Aleksandr Sergeevich Taneyev (1850-1918)

¹ I.S. Ratkovsky
² N.A. Ratkovskaya

¹ Saint-Petersburg State University, Russian Federation
Universitetskaya Naberezhnaya 7-9, St. Petersburg 199034
Ph.D. in History, Associate Professor
E-mail: Il-67@yandex.ru

² Saint-Petersburg State University, Russian Federation
Universitetskaya Naberezhnaya 7-9, St. Petersburg 199034
Ph.D. in History, Chief Specialist at the Admissions Department of St.

Abstract. This article explores the major stages in the activity of Head of His Imperial Majesty's Own Chancery A.S. Taneyev (1850-1918). Based on materials provided by the Central State Historical Archive and the State Archive of the Russian Federation, the author traces the expansion of his influence and examines the activity of his daughter Anna Vyubova. A.S. Taneyev is shown as a key figure in the court group of influence during the reign of Nikolay II. G. Rasputin is viewed as a subordinate figure in this group of courtiers, which formed also due to the isolation of the imperial family during the time of the last emperorship.

Keywords: A.S. Taneyev, G. Rasputin, A.A. Vyubova, Nikolay II, Empress Alexandra Feodorovna, His Imperial Majesty's Own Chancery.

Введение.

Дворянский род Танеевых (многим знакомый только по ее представительнице, ключевой фигуре распутинского окружения А.А. Вырубовой-Танеевой [1]) известен еще с XV века. Однако, только в XIX веке фамилия приобрела определенное придворное влияние.

Первым представителем рода, дослужившимся до значимого чина стал генерал-майор Сергей Михайлович Танеев (1749-1825), близкий к графу А.А. Аракчееву. Именно его карьера заложила основы для будущего положения рода Танеевых. Еще один шаг к укреплению позиций фамилии был сделан его сыном, Александром Сергеевичем Танеевым (1785-1866). Положение отца позволило записать его в возрасте одиннадцати лет сержантом в Лейб-гвардии Преображенский полк. Военная служба для Александра по обычаю тех лет носила фиктивный характер. Вскоре, он, как и многие другие юные дворяне, за малолетство был исключен из полка императором Павлом I. В 1799 г. Танеев поступил на службу в ведомство Кабинета Его Императорского Величества. С этого момента род Танеевых на несколько поколений, вплоть до Февральской революции 1917 г., оказался неразрывно связан с данным государственным учреждением. Основной деятельностью А.С. Танеева в учреждении были проверки и расследования по жалобам

государственных крестьян. Работу свою, судя по послужному списку с многочисленными наградами, Танеев исполнял весьма ревностно, что позволило ему уже в 1821 г. стать камергером двора его императорского величества. В 1838 г. он становится почетным членом Академии наук, в 1850 г. получает назначение в Государственный Совет, дослужившись к 1853 г. до действительного тайного советника. Это возвышение, однако, не было очень уж стремительным, о чем свидетельствует его брак – в начальный период карьеры он женился на дочери сельского священника Марии Васильевне Ханьковой (1786-1850).

Его сын Сергей Александрович Танеев (1821-1889) изначально находился в завидном положении по сравнению со своим отцом. Данное обстоятельство определило значительно более выгодную женитьбу на дочери генерал-майора В.А. Бибикова – А.В. Бибиковой (1827-1909). Удачный брак дополнялся успешной личной карьерой. После окончания в 1842 г. с первой серебряной медалью императорского училища правоведения, С.А. Танеев был определен на службу в канцелярию I-го департамента Сената с чином титулярного советника. В 1846 г. он получил звание камер-юнкера двора и был назначен старшим чиновником первого отделения СЕИВК, а 22 февраля 1882 г. назначен ее управляющим (с 1877 г. действительный тайный советник). С 1879 г. С.А. Танеев занял свое место в Государственном Совете, подобно отцу. Как и отец, он был награжден многими российскими и иностранными орденами [2, с. 633-640]

Наследник рода, а в последствие и придворной должности отца, Александр Сергеевич Танеев родился в 1850 г. Учитывая положение отца, он получил прекрасное образование. В детстве, впрочем, он занимался науками без особой охоты, поэтому в его письмах отцу, когда Александр сообщает о своей учебе, попадаются упоминания о далеко не блестящих оценках. То, что А.С. Танеев не слишком внимательно относился к учебе, видно и по бесконечным ошибкам в его письмах, и по их настрою. Зато музыкой Танеев занимался усердно и проявлял незаурядные способности, рано став заниматься сочинительством. Впоследствии, несмотря на высокие государственные посты, музыкальных занятий он не оставил, став прекрасным музыкантом и композитором, произведения которого были широко известны в то время. Его детские письма пестрят сообщениями о занятиях музыкой. Характерно с этой точки зрения письмо отцу из Дрездена от 17 мая 1862 г.: «Мы с Reichel'em играли на фортепианах и пили кофе». [3, л. 4.] В августе того же года он сообщает отцу, что: «Я теперь серьезно принялся за фортепианную игру». [3, л. 13.] Постоянны были также посещения им оперы и музыкальных концертов. По описанным им в письмах впечатлениям видна не только любовь к музыке, но и то, что уже в юном возрасте Александр Сергеевич прекрасно разбирался в ней: «Вчера я был в «Euryate» и опера очень понравилась... Увертюру Риц взял ужасно скоро, так что у меня кровь лилась в жилах...». [3, Л. 7.] В другом письме читаем: «Вчера я был в концерте... там играли... Demon Vietingoffa. Это прекрасная вещь... Он в некоторых местах подражает Вагнеру...». [3, л. 18(об.)] В двенадцать лет Танеев много времени уделял сочинительству, некоторые его произведения уже тогда исполнялись во время концертов по договоренности со знакомыми музыкантами. Так, в письме от 7 июня 1862 г. находим: «Я теперь сочинил Andante для 2 скрипок и Фортепиано, которое Рейкель поправил и, которое мы может быть сыграем...». [3, л. 7(об.)] А в письме от 18 августа он пишет следующее: «...Мамаша велела мне вас спросить прежде могу ли я сыграть одну мою; музыканты предлагали чтобы я им дал ее, но без вашего разрешения я не мог, конечно оно будет объявлено под чужой фамилией на программе». [3, л. 5.]

Сергей Александрович, часто проявлял неудовольствие по поводу чрезмерного увлечения сына музыкой. Это четко проявлялось и в их переписке. Например, в одном из писем Александра к отцу находим следующее обращение: «Милый папаша. Извините ежели я вас вчера так оскорбил. Ежели я не начинал разговора то это потому, что я думал что-нибудь вам неприятное сказал, и перед тем вы выразили уже неудовольствие, когда я вас об опере Титус спросил. Я не понял, что вы этим хотели выразить только то; что я слишком много о музыке думаю, но понял, что вы этим хотели вообще мне запретить разговор...». [3, Л. 9-9(об.)] Чрезмерное увлечение музыкой Александра Танеева тревожило отца. Однако, несмотря на все опасения Сергея Александровича, его сын

благополучно закончил в 1873 г. юридический факультет Санкт-Петербургского университета и начал свою служебную карьеру.

В формулярном списке о службе Александра Сергеевича Танеева, направленном в Государственный Совет, в связи с назначением Танеева его членом в 1906 г., значится: «По окончании курса наук в ИМПЕРАТОРСКОМ С.Петербургском Университете, по юридическому факультету, со степенью кандидата прав, определен кандидатом в судебные должности при Гражданском Кассационном Департаменте Правительствующего Сената. Года 1873. Апреля 3.» [4, Л. 14(об.).]

Успешной карьере способствовал и брак А.С. Танеева в 1882 г. на Н.И. Толстой (1860-1937). Семья последней находилась в родственных отношениях со многими известными дворянскими фамилиями России. [4, л.15.] По линии отца, адъютанта Александра II, И. Н. Толстого (1832-1904), Н. Толстая была правнучкой М. И. Кутузова. По линии матери, А. А. Голицыной (1832-1892), она была представителем дворянских родов Голицыных, Кутайсовых и Чернышевых. Женитьба укрепила и имущественное положение рода Танеевых, так как в приданое невесте было дано богатое и процветающее село Рождественно. К 1885 г. в семье было уже трое детей: сын Сергей и две дочери – Анна и Александра.

С этого момента начинается блестящая карьера А.С. Танеева. Он был уже камергером и действительным статским советником, когда в 1887 г. был назначен «состоять при Собственной Его Императорского Величества канцелярии» [5, л. 1.], очевидно, для подготовки смены его отцу. С. А. Танеев скончался в 1889 г. В этом же году, 17 января, его сын был назначен Старшим чиновником СЕИВК.

Продвижению Танеева способствовали его связи с императорской семьей. Он был попечителем многих благотворительных учреждений, находящихся под протекцией императора и обеих императриц. Уже в 1888 г. Танеев входил в Постоянную комиссию для рассмотрения поступающих в канцелярию ходатайств начальств благотворительных учреждений об изменении уставов последних. В 1895 г. он был назначен вице-председателем Комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах сроком на 3 года, одновременно став товарищем председателя Совета Приюта Вел. кн. Екатерины Михайловны для призрения детей во время нахождения родителей в больницах. В этом же году он стал председателем Комитета о службе чинов гражданского ведомства и наградах, а в следующем году членом Комитета призрения заслуженных гражданских чиновников и попечитель состоящего в его ведении Приюта для вдов и сирот. Эти должности обеспечили особые отношения с молодой императрицей. Как вспоминала его дочь, «государыня с первого же времени проявила доверие, назначив его вице-председателем Трудовой помощи...». [6, с. 239.] А.С. Танеев, вследствие этого, имел постоянный контакт с императрицей во время частых докладов Александре Федоровне о работе учрежденной ею организации.

Постепенно вокруг А.С. Танеева складывается близкий круг царедворцев. Одним из первых стал А.А. Мосолов, назначенный в марте 1900 г. начальником канцелярии Министерства императорского двора. Впоследствии он вспоминал: «В первый же год после моего назначения моя семья проводила лето в Петергофе, где мы жили на казенной даче. Соседями нашими была семья Александра Сергеевича Танеева, главноуправляющего канцелярией Его Величества. Две его дочери, Анна и Александра, ходили к нам играть в теннис и очень скоро подружились с моими дочерьми». [7, с. 96.]

Постепенно влияние Танеева на императорскую чету, неочевидное для многих, росло. Тот же Мосолов писал: «Широко образованный, выдающийся музыкант, очень умный и ловкий, А.С. Танеев вырос при дворе и достиг высшей ступени иерархической лестницы, наследовав должность главноуправляющего от своего отца. Очень близкий к Их Величествам, он, однако, тщательно скрывал свое влияние на них. Был как истый царедворец человеком весьма льстивым». [7, с. 96.] Эти воспоминания дополняют мемуары А.Ф. Кони: «Она (императрица) была застенчива и выражалась с трудом, хотя всегда весьма определенно и решительно, несмотря на то, что докладчиком и руководителем на занятиях был лукавый царедворец Танеев, старавшийся держать ее в бюрократическом застенке, сводя некоторые вопросы к личной чиновничьей конкуренции с честным, но недалеким секретарем императрицы графом Ламздорфом.

Этот в душевном отношении «moralisch hohler Mensch» (низкий человек) находил себе союзников в некоторых из членов Комитета и иногда в приглашенных министрах». [8, с. 169.]

Учитывая положение и знакомства отца, к которым он привлекал детей с малолетства, обе дочери Танеева получили придворный шифр, а сын получил возможность успешной военной, а затем и придворной карьеры. Одна из дочерей, Александра (1888-1963), впоследствии сделала весьма примечательную партию. Она стала женой Александра Эриковича фон Пистолькорса – сына от первого брака «мамы Лели», морганатической жены великого князя Павла Александровича, ставшей позднее княгиней Палей. Единственный сын Танеевых, Сергей (1887-1975) женился на княжне Тинатине Илларионовне Джорджадзе.

Но наибольшее усиление положения при дворе Танеева, происходит параллельно с придворной жизнью Анны Танеевой. В 1901 г., в 17 лет Анна выходит в свет. Она участвует в 22 балах, и вскоре молодую девушку представляют вдовствующей императрице Марии Федоровне. [9, р. 5.] (Пер. авт.)

Нужно отметить, что А.С. Танеев старался расположить императрицу к своим дочерям задолго до того, как они стали выходить в свет. При любом случае он подчеркивал хорошее образование, которое давал им, зная, что императрица не раз отмечала низкий уровень образованности и развитости светских барышень того времени. В воспоминаниях Анны Танеевой встречаем следующие слова об этом: «Кроме музыки мы получили несколько более практичное образование, чем большинство в то время. В России моего детства девушка из хорошей семьи должна была приобрести несколько приятных навыков и почти ничего сверх того. Это я и моя сестра получили, но, кроме того, еще учились музыке и рисованию, к которому моя сестра имела значительный талант, мы были хорошо подготовлены и в академических дисциплинах, и закончили образование, сдав экзамен на звание учительниц. Могу также сказать, что и в наших занятиях рисованием мы обязаны были быть тщательными, и когда мой отец осмелился показать некоторые из наших работ императрице, она тепло выразила свое одобрение и заметила, что у большинства русских девушек ничего нет в головах кроме офицеров». [9, р. 4] Когда А.С. Танеев узнал о любви императрицы к музыке, он не упустил возможности рассказать ей о музыкальном таланте своей старшей дочери Анны. [7, с. 96.]

В 1903 г. Анна Танеева получила придворный шифр. Он давал право приезда ко двору пожизненно, независимо от положения мужа. В этот период Анна еще крайне редко видела Александру Федоровну. Ситуацию изменила болезнь княжны Орбелиани в 1905 г., когда началось ее сближение с императорской семьей.

Насколько доверительно относился император к Танееву в этот период можно судить по тому, как проходило подписание манифеста 17 октября 1905 г.: «Желая посоветоваться, прежде чем принять решение, государь вызывал к себе лиц, к которым питал доверие, чтобы выслушать их мнение. Среди них были: граф Сольский, барон Будберг, А.С. Танеев, князь Владимир Орлов, граф Гейден. Граф Пален, генерал-адъютант Рихтер и Победоносцев» [7, с. 55.]

В 1906 г. А.С. Танеев был назначен членом Государственного совета. В его деле о службе сохранился список именного указа по этому поводу:

«Государственному Совету.

Двора НАШЕГО Гофмейстеру, Статс-Секретарю, Главному управляющему Собственною НАШЕЮ Канцеляриею Танееву ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ повелеваем быть членом Государственного Совета, с оставлением в занимаемых им должностях и званиях.

На подлинном Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою начертано:

«Николай». [4, л. 3.]

В формулярном списке, составленном по этому поводу для государственного секретаря 30 апреля 1906 г., мы видим длинный список чинов, наград и занимаемых А.С. Танеевым должностей: «Статс-Секретарь ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Обер-Гофмейстер ВЫСОЧАЙШЕГО двора, Александр Сергеевич Танеев, Член

Государственного Совета, Главноуправляющий Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярией, Почетный член ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Наук, Вице председатель состоящей под непосредственным ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ Председательством Комитета Попечительства о домах трудолюбия и работных домах, Член Алексеевского Главного Комитета по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией, Член Комитета призрения залуженных гражданских чиновников /представляющий ГОСУДАРУ ИМПЕРАТОРУ всеподданнейшие доклады по делам сего Комитета/, Попечитель приюта для вдов и круглых сирот заслуженных гражданских чиновников, Почетный Член состоящей под непосредственным ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАря ИМПЕРАТОРА Покровительством Александровской Общины сестер милосердия «Утоли моя печали», Почетный Член состоящего под АВГУСТЕЙШИМ покровительством ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ Российского общества Красного Креста, Почетный Член С.Петербургского Комитета попечения о сестрах милосердия Красного Креста, Действительный Член дома призрения и ремесленного образования бедных детей в С.Петербурге. 56 лет; вероисповедания Православного; Кавалер орденов Св. Александра Невского, Белого Орла, Св. Владимира 1, 2-й и 3 ст., Св. Анны 1 ст., Св. Станислава 1 ст.

Иностраннх: Прусских – Короны 1 ст., Французских – Почетного Легиона большого офицерского креста, Итальянских – Св. Маврикия и Лазаря, Короны Большого Креста и Короны Офицерского Креста и Персидских – Льва и Солнца 1 ст. Именных – нагрудный знак в память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, юбилейный знак ИМПЕРАТОРСКОГО Человеколюбивого Общества и медаль в память Царствования ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, в память Священного Коронования ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II, в память открытия Русского Музея ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, наследственную в память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II». [4, л. 14(об.) – 19(об.).]

Укреплялось в этот период и положение Танеевой. Она была допущена в наиболее тесное окружение царской семьи. Позднее она вспоминала: «Я знала, что они тоже хотели принять меня в свое тесное, домашнее окружение. Первый намек явился в виде приглашения провести две недели на Императорской яхте, которая готовилась отплыть в круиз в Финские шхеры [9, р. 17.] Анна смогла окружить Александру Федоровну своим восхищением и обожанием, разделила все ее интересы. Она стала подругой императрицы. И ей об этом было прямо объявлено императором: «В конце путешествия Император сказал: «Вы теперь будете всегда сопровождать нас» [9, р. 23.]

Остаток лета и осень 1905 г. Танеева провела со своей семьей за границей, выполнив там ряд поручений императорской семьи. По-возвращении, Анна Танеева была тепло принята при дворе. Возможным объяснением этому может служить не только уже завязавшиеся дружеские отношения, но и все большая замкнутость императорской четы в конце 1905 г. Октябрьский манифест, вырванный у императора с сильнейшим давлением, в том числе со стороны великого князя Николая Николаевича, охладил отношения Николая II с его ближайшими родственниками, ослабил его доверие к ним.

В 1906 г. дружба Танеевой и императрицы еще более окрепла. Между тем, бывшие приближенные императрицы (в т.ч. сестры-черногорки, введшие ранее Распутина в царское окружение) активно протестовали против «новой подруги». Это объяснялось тем, что постепенно Распутин сблизился с Танеевой и стоявшими за ней лицами. (Танеев, Мосолов и другие). Очевидным становилось и нежелание императрицы продолжать общение с Распутиным через черногорок.

Вследствие этого положение Танеевой весной 1907 г. было не прочным, против нее и императрицы уже распространялись разные слухи и сплетни. В этих условиях был найден удачный выход из ситуации в виде замужества Танеевой. Брак давал ей статус замужней светской женщины, общение императрицы с которой становилось уже не столь предосудительным и действительно могло выглядеть как дружба. 30 апреля 1907 г. Танеева вышла замуж за лейтенанта А. В. Вырубова (1880 – 1919). Существует иная, точка зрения на обстоятельства замужества Танеевой. Согласно В.И. Гурко, брак был вызван желанием императрицы удалить от двора А.А. Танееву, без нанесения ей обиды. [10, с. 353.] Сама

Танеева, на допросе в Чрезвычайной Следственной комиссии Временного правительства, указывала на статус мужа, служившего тогда в походной канцелярии. Благодаря этому она могла вместе с ним ездить в служебных поездках, не перерывая общение с царской четой. [11, с. 347.] Брак позднее был признан недействительным из-за наклонностей мужа, психика которого пострадала во время войны 1905 г. [12] Неудачный брак еще сильнее привязал императрицу к Вырубовой, т.к. она чувствовала себя, в какой-то мере, виноватой в том, что произошло с «Аннушкой».

Замужество Танеевой-Вырубовой, обозначило еще одно событие. При дворе, вокруг Вырубовой и под эгидой Танеева-старшего начинает складываться группа лиц объединенных не только общими интересами и близким знакомством, но и родственными связями – Танеев, Вырубова, Воейков, Мосолов. Это небольшое сообщество создаст уникальную ситуацию последнего царствования: теневое влияние на решения императора и императрицы, добровольно изолировавших себя от «большой» романовской семьи, начинает оказывать не семья, как это было при прошлых царствованиях и в начале последнего, а узкая придворная группа.

Это обусловило ситуацию, которую принято называть – заговор великих князей, когда утратившие влияние родственники императора занимают активно-оппозиционную позицию, открыто фрондируя Николаю II. Последствием этой позиции великих князей и, особенно, их жен, собиравших салоны, стало распространение сначала среди родовитой аристократии, а через нее среди более широких кругов населения слухов дискредитирующих царскую семью.

Введение Распутина во дворец – главное, что обычно ставится в вину Танеевой-Вырубовой. Однако, это не соответствует истине. В.Н. Коковцов считал Анну Вырубову вовсе неповинной в появлении при императрице Распутина, обвиняя во всем архимандрита Феофана: «Императрица разрешила епископу Феофану привести Распутина в Царское Село». [13, с. 287.] Версии о «церковном» и «черногорском» приближении ко двору Распутина придерживается и крупный исследователь православной церкви С.Л. Фирсов: «Необходимо, думается, особо подчеркнуть, что попал Распутин ко двору исключительно благодаря церковным деятелям: выше мы писали, что молитвенник и аскет, человек глубокой личной религиозности Феофан (Быстров) ввел Гр. Распутина в семью Великого князя Николая Николаевича, а у него уже состоялось знакомство со «старцем» и царской четой. Логика священнослужителей в данном случае вполне и объяснима, — бескорыстный старец являлся подлинным народным представителем перед престолом». [14, с. 164.]

Если верить дневнику императора Николая, то знакомство с Распутиным произошло во время очередного чаепития с черногорками в Знаменке 1 ноября 1905 г. [15, с. 54.] В этот период сама Анна Танеева еще не была знакома с Григорием Распутиным. В своих воспоминаниях она утверждает, что императрица попросила черногорок познакомить ее с Распутиным значительно позже, за месяц до свадьбы с А.В. Вырубовым. Сама свадьба состоялась 30 апреля 1907 г. и таким образом, согласно Танеевой, знакомство ее и Распутина состоялось в марте 1907 г. Этому сообщению принято доверять. В частности, этой традиции следует известный исследователь эпохи царствования Николая II А. Н. Боханов [15, с. 119.] Между тем, представляется вполне вероятным, что Вырубова познакомилась с Распутиным в конце осени – начале зимы 1906 г., когда она попросила Распутина благословить помолвку, а не за месяц до свадьбы. Отметим, что в этот период, Распутин находился в селе Покровское Тобольской губернии, о чем свидетельствует поздравительная телеграмма, отправленная ему императрицей 9 апреля 1907 г.: «Новому. воистину воскресе. все горячо благодарим поздравляем светлым праздником. Александра». [16, л. 127.]

Более позднее возрастание роли Анны Вырубовой-Танеевой, впоследствии проходившего через нее общения с Распутиным, усиливало и позиции отца. Характерную историю рассказывает С.Н. Палеолог (надворный советник, служащий Министерства Внутренних Дел Российской империи). В январе 1909 г. к нему с прошением, на котором стояла положительная резолюция Столыпина, подошел редактор «Московских ведомостей» Л.А. Тихомиров. Прощение состояло в том, что он желал получить чин действительного статского советника, так как все прежние редакторы имели такой чин.

Сложность заключалась в том, что Тихомиров никогда не имел никаких чинов и ранее не состоял на государственной службе. Это было связано с тем, что этот яркий монархист ныне, ранее был одним из активных революционеров-террористов, сподвижником Желябова. Позднее он переменял свою точку зрения на противоположную и последние 20 лет напряженно работал на благо государства. На очередном докладе Столыпину, Палеолог изложил биографию Тихомирова и заметил, что подобного прецедента в министерстве еще не было. [17, с. 186-189.] «...Столыпин, опасаясь осложнений, поручил мне побывать у Главноуправляющего Собственной Е. И. В. Канцелярией Танеева, дабы заручиться его согласием на представление доклада Государю. Танеев отнесся к этому довольно кисло. Долго и внимательно читал доклад и слушал все мои объяснения. На прощание он сказал: «Не люблю я ренегатов, но если ваш министр считает его достойным, то я не встречаю препятствий к представлению доклада Государю. Передайте все же Петру Аркадьевичу, что в случае воследования высочайшего согласия необходимо представлять Тихомирова на каждый чин отдельно. В действительные статские я его так легко не пропущу».

Всеподданнейший доклад удостоился Высочайшего соизволения, но бедному Тихомирову, почти 60-ти летнему старику, пришлось ждать много месяцев, пока мы его представляли, а Танеев производил его в восемь чинов отдельно, начиная от коллежского регистратора». [17, с. 189.]

Забавную ситуацию, говорящую о высоком должностном положении А.С. Танеева и, кроме того, характеризующую его определенным, думается, не самым лучшим образом, приводит в своих воспоминаниях барон М.А. Таубе (известный профессор-историк, юрист-международник и дипломат): «В мае исполнялось 50 лет со времени основания Императорского Русского исторического общества, и великий князь Николай Михайлович известил меня о своем желании включить меня вместе с некоторыми другими членами Общества в число награжденных по этому случаю Его Величеством. Я ответил, что сыпавшиеся на меня с 1911 года награды нарушили уже все положенные для них сроки, и что я прошу не представлять к столь высокой очередной награде, как Владимирская звезда, дабы не входить из-за меня в неприятную переписку с «сих дел мастером», т.е. А.С. Танеевым (председатель Комитета о службе чинов гражданских и о наградах). Тем не менее, секретно великий князь уведомил меня, что представление обо мне все же сделано... Но затем, за два дня до юбилея, протелефонировал, что, как я и предвидел, Танеев моему награждению воспротивился и что присланный ему уже в корректуре номер «Сенатских Ведомостей» в списке награжденных моего имени не содержит.

И вот... рано утром в день этого торжества Капитул Орденов привозит мне Владимирскую звезду с соответствующим дипломом.

Что же случилось? Оказалось, что великий князь был так рассержен отклонением его просьбы (уже получившей одобрение свыше), что телефонирует обо мне отдельно государю, который и приказал Танееву немедленно включить меня в великокняжеский список со звездой Владимира 2-ой степени» [18, с. 202]

Сейчас трудно определить каковы были личные качества А.С. Танеева, но очевидно то, что он действительно был одним из немногих действительно близких к царской семье людей и пользовался большим доверием, как императора, так и императрицы. Более того, ни одно награждение и повышение в чинах, или награждение не могло совершиться без его одобрения, что еще более усиливало его влияние и власть. [19, с. 51]

В 1913 г. в Крыму скончался старый дворцовый комендант В.А. Дедюлин. Его пост был вскоре предложен генералу В. Н. Воейкову. Это завершило формирование вокруг царской семьи крайне узкой и весьма влиятельной группы придворных, определявшей ту или иную позицию «большого» двора, из-за оторванности монаршей четы от романовской семьи. Воейков, несомненно, был выдвигателем данной группы, так как являлся другом Мосолова, был тесно знаком с Танеевым-старшим и Вырубовой, с которой была очень дружна его жена. Любопытно, что он являлся также троюродным братом А.В. Вырубова – бывшего мужа Анны Александровны. Добавим, что брат Вырубовой, С.А. Танеев, проходил до 1912 г. службу в лейб-гвардии Гусарском полку,

которым командовал Воейков. Таким образом, Воейкова очень многое связывало с семейством Танеевых.

Мемуары Мосолова подтверждают, тот факт, что кандидатура Воейкова была не случайна: «Чуть ли не за день до смерти Дедюлина появился в Ялте Воейков с женою, дочерью графа Фредерикса. Он пояснил, что приехал с докладом по вопросу о физическом воспитании юношества, которым усердно занимался еще в бытность командиром гусарского полка. Зная близость Вырубовой с Воейковым, я понял причину его приезда. И действительно, чуть ли не в день похорон Дедюлина царица заговорила с Фредериксом о его зяте». [7, с. 168.]

Назначение Воейкова было воспринято без энтузиазма значительной частью придворных, далеких от этой данной группировки: «... на его (Дедюлина. – Н. Р.) место был назначен командир лейб-гусарского его величества полка Воейков, человек дельный, но не очень симпатичный, большой карьерист и делец», - отмечала дочь лейб-медика Боткина, Татьяна. [20, с. 20.] Представляется, что кандидатура Воейкова прозвучала, скорее всего, от А.С. Танеева. Мосолов же, изначально полагавший, что хорошо сойдется с Воейковым, позднее сожалел об этом назначении, обвиняя его в плохом подборе свиты для императора, что пагубно сказалось на развитии событий, предшествовавших отречению царя. [7, с. 168-169]

Таким образом, в этот период сложилась придворная группировка, в течение последнего периода царствования, удерживающая в своих руках важные рычаги придворного влияния. Центром этой группы был А.С. Танеев, который в силу своих должностей имел не только громадное влияние на императорскую чету, но владел секретной информацией. В своих воспоминаниях Воейков вскользь отмечает, говоря о назначении Протопопова министром внутренних дел: «Списками кандидатов на замещение высших государственных должностей ведал статс-секретарь А.С. Танеев, главноуправляющий собственной его императорского величества канцелярией. Однажды его посетил М.В. Родзянко с усердной просьбой рекомендовать царю Протопопова на министерский пост». [21, с. 187.] Состоялась данная протекция, или нет, Воейков не указывает, но известно, что Протопопов этот пост получил. Разумеется, это было не единичным случаем. Известный исследователь С.В. Куликов, говоря о назначении Б.В. Штюрмера премьером, отмечает: «Не исключено, что в выдвижении кандидатуры Б.В. Штюрмера более сознательное участие приняли главноуправляющий Собственной канцелярией царя А.С. Танеев и начальник Царскосельского дворцового управления генерал князь М.С. Путятин» [19, с. 175.]

Второй фигурой придворной группы можно назвать генерала Мосолова, помощника министра двора графа Фредерикса. Последний в этот период уже страдал провалами в памяти и не мог вести дела на должном уровне, таким образом, фактическим министром двора был Мосолов. Ближайшая подруга императрицы, ведомая своим отцом, автоматически усиливала влияние данной группировки. И, наконец, Воейков, занявший пост дворцового коменданта замкнул круг вокруг царской семьи.

Очевидно, что именно с этого времени, эти люди начинают использовать в полной степени приближение Распутина в своих целях. Учитывая данный факт, становится не удивительным, что политическое влияние Распутина окрепло к 1914–1915 гг. – до этого времени в его кружок входили в основном боготворящие его дамы, а не государственные чиновники.

Едва ли не первым из таких был кн. Шаховской, добившийся через Распутина и Вырубову назначения министром торговли и промышленности. Следом за ним избрал тот же путь снедаемый честолюбием А.Н. Хвостов, впервые завязавший отношения с Распутиным еще в бытность свою нижегородским губернатором» [10, с. 413.] В этих и других назначениях прослеживается стремление окружить себя людьми своего круга, например, поддержанное Танеевым назначение А.Ф. Трепова (шурин Мосолова) премьером состоялось в ноябре 1916 г. Характерно, что 10 декабря 1916 г. А.Ф. Трепов предложил императору список кандидатур на пост председателя Государственного совета, среди которых выделяется фамилия А. С. Танеева. [19, с. 352.]

Удивительно емко ситуацию, сложившуюся при дворе в это время, описал генерал Данилов: «Императрица, Вырубова и Распутин образовали без предварительного между собою сговора, тесный, неразрывный триумвират, в котором роль злого гения играл Распутин. Вырубова исполняла роль граммофонной пластинки, императрица же – резонатора неотразимо действующего на безвольного императора» [22, с. 171.] Признавая, тот факт, что Вырубова была только посредником, не следует забывать о том, что она была послушным орудием в руках своего отца. Роберт Вильтон склоняется к этой же версии, но не совсем верно, с нашей точки зрения, расставляет приоритеты: «Существовало мнение, что Вырубова была лишь слепым орудием в руках Распутина благодаря своей простоте, граничащей якобы с глупостью. Это далеко не так. Все ее поведение, ловкость, с которой она вкралась в доверие Императрицы, доказывают, что это была умелая интриганка. Ее тактика, ее приемы обращают мысль к ее отцу, Танееву, ловкому царедворцу старого времени». [23, с. 55.] Мысль действительно стоит обратить к А.С. Танееву, который ввел свою дочь в круг императрицы, будучи уверен, что восторженная простушка непременно понравится царице, характер которой он успел детально изучить, а потом лишь время от времени направлял действия и слова своей дочери в нужное русло.

Собственное личное влияние Распутина на политические решения не стоит переоценивать. Подруга императрицы Юлия Ден описывает случай, который раскрывает как самонадеянность Распутина, так и отношение императора к его советам: «Однажды генерал Белецкий попросил Распутина походатайствовать перед Государем, чтобы его назначили на пост генерал-губернатора Великого княжества Финляндского. Распутин обещал выполнить его просьбу и завел об этом речь перед Императором в присутствии Государыни. Император внимательно выслушал Распутина, но ничего ему не ответил. Назначение генерала Белецкого не состоялось» [24, с. 93.]. В данном случае, в отличие от обычной практики, кандидатура Белецкого не была поддержана кем-то еще из приближенных, например, Танеевым и результат был закономерно отрицательным. Впоследствии представители танеевской группировки попытаются предлагать Распутину взятки за отказ от подобных самочинных протекций. Получивший назначение на пост министра внутренних дел (бывший министр путей сообщения) А.Ф. Трепов, протеже, указанной группировки, шурина Мосолова. Трепов договорился со своим шурином Мосоловым предложить Распутину 150-200 тыс. рублей и ежемесячные выплаты с условием его невмешательства в министерские назначения, однако эта попытка провалилась. [24, с. 397.]

Сформировавшееся к этому времени отношение общества к Распутину и Вырубовой сказывалось на карьере ее брата. В 1912 г. он вынужден был после года службы в лейб-гвардии Гусарском полку (командир полка Воейков являлся близким другом семьи Танеевых), оставить военную службу из-за отношения к нему офицеров. Танеев-старший обратился к Николаю II за помощью в восстановлении карьеры сына. В ответ на это обращение Николай II 15 июня 1912 г. писал Танееву:

«Александр Сергеевич,

Всецело разделяю чувство горя и обиды за вашего сына, испытываемые его родителями, по поводу совершенно непонятного отношения к нему офицеров после годичной его службы. Мне это сознание особенно тяжело потому, что несправедливость эта коснулась вашего сына и случилась с ним в моем любимом полку. Но если у человека совесть чиста, имя его не может ничем быть запятанным. Конечно тяжело страдать неповинно, но Бог милостив, надо всегда надеяться впереди на светлое лучшее будущее!

Я убежден, что сын ваш, с его умом, настойчивостью к труду и любовью к земле родной, сделается прекрасным работником на другом поприще. Обещаю вам никогда не терять вашего сына из вида и вспомню о нем в скором времени, когда вся Россия будет переживать столетие отечественной войны.

Глубоко вас уважающий и вас любящий
Николай». [25, л. 1-2.]

Вероятнее всего, поведение офицеров было следствием слухов о сестре С.А. Танеева и Распутине. Отзвуком подобного отношения к Вырубовой в обществе, и нервического

состояния и страхов самой Вырубовой стали события 1916 г. 10 марта 1916 года Вырубова пригласила к себе на квартиру Н. Александрова (действительного статского советника) и сообщила, что в Царском Селе проживает портниха М.М. Лаврентьева, которая хочет совершить покушение на ее жизнь, получив на это от неизвестных лиц 20 тыс. рублей. Вырубова требовала обыскать и арестовать Лаврентьеву. После беседы Александров сообщил об этой просьбе Вырубовой дворцовому коменданту, Царскосельскому полицейскому надзирателю. Расследование не привело к выявлению злого умысла. Полиция характеризовала Лаврентьеву как благонадежную, хотя и ведущую свободный образ жизни, мещанку. Правда, в последнее время она принимала заказы из дворца великой княгини Марии Павловны, которая, как известно, находилась в оппозиции к «большому» двору, неоднократно призывала убить Распутина и всячески критиковала окружение царской семьи. Однако дело было замято. [26, л. 1-6.]

Вместе с тем, вопреки распространенному мнению в обществе того времени, Вырубова своим влиянием старалась удерживать Распутина от загулов, дискредитирующих царскую семью. Само присутствие Вырубовой заставляло вести Распутина себя иначе, чем свойственно было его темпераменту. «Во время войны в Распутине произошли две перемены. Во-первых, разными дельцами от банковских директоров до мелких спекулянтов он был вовлечен в проведение мероприятий, связанных с войной, а во-вторых, он стал пить и безобразничать в публичных местах, чего раньше с ним не случалось. Болезнь его подруги Вырубовой принесли ему ту свободу, в которой он был стеснен, будучи связан с Анной Александровной. С ее прикованностью к кровати он стал свободен, чем и воспользовались его друзья из другого лагеря». [27, с. 85.]

Болезнь Вырубовой сделала Распутина неуправляемым и закономерным итогом стала не только его убийство, но и дискредитация императорской четы накануне Февральской революции. Отречение Николая II, арест Вырубовой и ее заключение в Петропавловскую крепость, [28] подорвали здоровье А.С. Танеева. Позднее он, вместе с дочерью, еще пытался наладить связи с Германией, спасти императорскую семью, но подорванное здоровье сказалось. В начале 1918 г. он умер в Петрограде.

Примечания:

1. Верная Богу, Царю и Отечеству: Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария / Автор-сост. Ю. Ю. Рассулин. СПб., 2005.
2. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений 1802-1917: Биобиблиографический справочник. СПб, 2001.
3. РГИА. Ф. 1060. Оп. 1. Д. 43.
4. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 528.
5. РГИА. Ф. 1409. Оп. 11. Д. 45.
6. Вырубова А.А. Страницы моей жизни. М., 1993.
7. Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992.
8. Кони А.Ф. Николай II // Государственные деятели глазами современников. Николай II. СПб., 1992.
9. Viroubova A. Memories of the Russian court. New-York, 1970.
10. Гурко В.И. Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.
11. Допрос А.А. Вырубовой 6 мая 1917 г. // Фрейлина ее величества Анна Вырубова. М., 1993.
12. РГИА. Ф.1412. Оп.3. Д.965. Дело по прошению Вырубовой о возвращении ей девичьей фамилии (1917).
13. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903-1919. Кн. 1. М., 1992.
14. Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996.
15. Боханов А.Н. Распутин: Быль и небыль. М., 2006.
16. ГАРФ. Ф. 1476. Оп. 1. Д. 710.
17. Палеолог С.Н. Исповедь // Вокруг Света. 2004. № 8.
18. Таубе М.А. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900-1917). М., 2007.

19. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914-1917) Рязань, 2004.
20. Мельник-Боткина Т. Воспоминания о царской семье. М., 2004.
21. Воейков В.Н. С царем и без царя: воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II М., 1995.
22. Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки последнего периода российской монархии. М., 2000.
23. Вильтон Р. Злодеяние над царской семьей, совершенное большевиками и немцами. Париж, 2005.
24. Ден Ю. Подлинная царица: Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны. СПб., 1999.
25. РГИА. Ф. 1060. Оп. 1. Д. 131.
26. ГАРФ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 39.
27. Спиридович А.И. Великая война и февральская революции: Воспоминания. Минск, 2004.
28. Ратьковская Н.А. А.А.Вырубова: заключение в Трубецком бастионе Петропавловской крепости (март-июль 1917 г.) //Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Выпуск 2. июнь 2007.

References:

1. Vernaya Bogu, Tsaryu i Otechestvu: Anna Aleksandrovna Taneeva (Vyrubova) — monakhinya Mariya / Avtor-sost. Yu. Yu. Rassulin. SPb., 2005.
2. Shilov D.N. Gosudarstvennye deyateli Rossiiskoi imperii. Glavy vysshikh i tsentral'nykh uchrezhdenii 1802-1917: Biobibliograficheskii spravochnik. SPb, 2001.
3. RGIA. F. 1060. Op. 1. D. 43.
4. RGIA. F. 1162. Op. 6. D. 528.
5. RGIA. F. 1409. Op. 11. D. 45.
6. Vyrubova A.A. Stranitsy moei zhizni. M., 1993.
7. Mosolov A.A. Pri dvore poslednego imperatora. SPb., 1992.
8. Koni A.F. Nikolai II //Gosudarstvennye deyateli glazami sovremennikov. Nikolai II. SPb., 1992.
9. Viroubova A. Memories of the Russian court. New-York, 1970.
10. Gurko V.I. Tsar' i tsaritsa // Nikolai II: Vospominaniya. Dnevnik. SPb., 1994.
11. Doprosov A.A. Vyrubovoi 6 maya 1917 g. // Freilina ee velichestva Anna Vyrubova. M., 1993.
12. RGIA. F.1412. Op.3. D.965. Delo po prosheniyu Vyrubovoi o vozvrashchenii ei devich'ei familii (1917).
13. Kokovtsov V.N. Iz moego proshlogo. Vospominaniya. 1903-1919. Kn. 1. M., 1992.
14. Firsov S.L. Pravoslavnaya Tserkov' i gosudarstvo v poslednee desyatiletie sushchestvovaniya samoderzhaviya v Rossii. SPb., 1996.
15. Bokhanov A.N. Rasputin: Byl' i ne byl'. M., 2006.
16. GARF. F. 1476. Op. 1. D. 710.
17. Paleolog S.N. Ispoved' // Vokrug Sveta. 2004. № 8.
18. Taube M.A. «Zarnitsy»: Vospominaniya o tragicheskoi sud'be predrevolyutsionnoi Rossii (1900-1917). M., 2007.
19. Kulikov S.V. Byurokraticheskaya elita Rossiiskoi imperii nakanune padeniya starogo poryadka (1914-1917) Ryazan', 2004.
20. Mel'nik-Botkina T. Vospominaniya o tsarskoi sem'e. M., 2004.
21. Voeikov V.N. S tsarem i bez tsarya: vospominaniya poslednego dvortsovogo komendanta gosudarya imperatora Nikolaya II M., 1995.
22. Danilov Yu.N. Na puti k krusheniyu: Ocherki poslednego perioda rossiiskoi monarkhii. M., 2000.
23. Vil'ton R. Zlodeyanie nad tsarskoi sem'ei, sovershennoe bol'shevikami i nemtsami. Parizh, 2005.
24. Den Yu. Podlinnaya tsaritsa: Vospominaniya blizkoi podруги Imperatritsy Aleksandry Fedorovny. SPb., 1999.

25. RGIA. F. 1060. Op. 1. D. 131.

26. GARF. F. 623. Op. 1. D. 39.

27. Spiridovich A.I. Velikaya voina i fevral'skaya revolyutsii: Vospominaniya. Minsk, 2004.

28. Rat'kovskaya N.A. A.A.Vyrubova: zaklyuchenie v Trubetskom bastione Petropavlovskoi kreposti (mart-iyul' 1917 g.) //Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya. Vypusk 2 iyun' 2007.

УДК 93/94

Последний царедворец: Александр Сергеевич Танеев (1850-1918)

¹ И.С. Ратьковский

² Н.А. Ратьковская

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.7-9

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: Il-67@yandex.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.7-9

Кандидат исторических наук, ведущий сотрудник

Аннотация. Статья исследует основные этапы деятельности главы СЕИВК А.С. Танеева (1850-1918). На основе материалов, представленных в ЦГИА и ГАРФ, рассмотрено увеличение его влияния, включая анализ деятельности его дочери Анны Вырубовой. А.С. Танеев, показан как ключевая фигура придворной группы влияния в период царствования Николая II. Г.Распутин рассматривается, как подчиненная фигура этой группы придворных, сложившейся также благодаря изоляции императорской семьи в период последнего царствования.

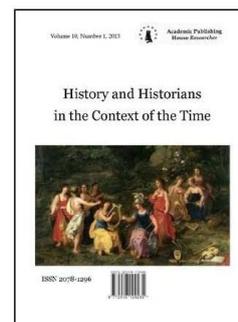
Ключевые слова: А.С. Танеев, Г.Распутин, А.А. Вырубова, Николай II, Императрица Александра Федоровна, СЕИВК.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2014.
ISSN: 2078-1296
Vol. 12, No. 1, pp. 24-36, 2014

DOI: 10.13187/issn.2078-1296
www.ejournal3.com

UDC 94(37).05.07.

Loan Documentation of the Ancient Rome Imperial Alimentary Fund (Tabula «Veleia»)

Michael N. Saiko

Bukovina State Finance and Economics University, Ukraine
1, Stern Str., Chernivtsi, 58008
PhD (History), Associate Professor
E-mail: mihail.saiko@mail.ru

Abstract. The mortgage contracts engraved on the bronze plaques found in the Italian region Veleia and called Tabula «Veleia» are in the focus of investigation of the present paper. These are the agreements between authorities of the Imperial alimentary fund in Gallia Cispadana and Liguria and land owners of Veleia, Placentia, Luca, Parma and Libarna about granting loans on land lending. Money got on interest payments were directed towards orphans and poor parents free-born children support till their adulthood.

Tabula «Veleia» contains 52 loan contracts, 15 of which are translated into Russian in full, others are given in brief. The structure and content of these mortgages are determined and some mistakes in calculations are found in the documents and some publications. The land domain size the square of which ranges from some dozens jugerum till more than 1000 jugerum is analyzed. The attention is also paid to the owners' estates consisted of separate manors the square of which ranged within considerable limits (from 2 till 490 jugerum) and their names are studied. It is determined that the manors' names which end with «anus» belonged to the Roman names, others – to the Celt-Ligurian. Tabula «Veleia» allows becoming more familiar with finance and credit documents and the conclusions made on the basis of its analysis promote the deep insight in the social-economic relations of Ancient Rome.

Keywords: Tabula «Veleia», Ancient Rome, alimentary fund, mortgage contract.

Введение.

В римской империи при императоре Нерве был создан императорский благотворительный фонд для помощи сиротам и свободнорожденным детям неимущих родителей до их совершеннолетия (alimenta). При Траяне этот фонд значительно активизировал свою деятельность и распространил ее на территорию Италии, а затем и на другие провинции. Этот благотворительный фонд функционировал и при других императорах династии Антонинов. Денежные средства, аккумулированные фондом предоставлялись в ипотеку под умеренный процент. Суммы, полученные по процентным выплатам, тратились на содержание сирот и детей неимущих родителей [1, с. 160-161].

Все кредитные операции алиментарного фонда фиксировались документально. Составлялась, так называемая, «Tabula alimentaria», в соответствии с которой определенный процент, полученный от представленного в кредит капитала, направлялся на содержание

подопечных фонду детей. Такие акты часто исполнялись на бронзовых досках. До нас дошли две таких доски, которые в исторической литературе получили название «Табула Велейя» («*Tabula Veleia*») и «Табула Бебиана» («*Tabula Vaebianorum*»). В предлагаемой вниманию читателя статье проанализирована «Табула Велейя».

Материалы и методы.

Велейская табула была найдена в 1747 году неподалеку от города Плаценция на месте древнеримского города Велейя [2, с. 2]. Латинский текст табулы был опубликован в XI томе «Корпуса латинских надписей» («*Corpus Inscriptionum Latinarum*») [3], сборнике документов Густава Вилманнса [4], а также в позднейших публикациях. Среди последних следует отметить сборник документов «Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской Империи...», составленный Еленой Михайловной Штаерман [5] и публикацию Николы Криници, в которой дан итальянский перевод документа [6]. Семь документов из Велейской табулы были переведены на русский язык и опубликованы в «Хрестоматии по истории Древнего Рима» [7, с. 383-385]. Содержание Велейской табулы проанализировал один из творцов «Корпуса латинских надписей» Теодор Моммзен [8], а также Е. Дежардинс [2] и Питер Гернси [9, с. 369].

В Велейской табуле помещен текст ипотечных договоров, заключенных между управлением алиментарного фонда в Циспаданской Галлии и Лигурии и землевладельцами округов Велейя, Плаценция, Лука, Парма и Либарна о предоставлении займа под залог земельных владений. Больше ничего об этом управлении фонда неизвестно, однако из других надписей мы знаем, что соседнее управление «Транспаданской области, Истрии и Либурнии» в начале II века возглавлял прокуратор Гай Аттий Фелициан, который был всадником с титулом «совершенного мужа» («*vir perfectissimus*») (С. Attio Alcimo Feliciano p. v. ... прос. alimentor(um) per Transpadum Histriam Liburniam...) [10, № 822, с. 104]. Имеется и надпись конца II в. где упоминается прокуратор управления фонда, расположенного на юге Италии: «Луцию Коминию Випсанию Салютару, уроженцу Рима, совершенному мужу, прокуратору алиментарного фонда в Апулии, Калабрии, Лукании и Бруттии «*L. Cominio Vipsanio Salutari, domo Roma, p. v.... procuratori alimentorum per Apuliam Calabriam Lucaniam Bruttios*» [11, № 1085, с. 142]. Не боясь впасть в большую ошибку, мы можем предположить, что и управление фонда в Циспаданской Галлии и Лигурии возглавлял прокуратор, представлявший сословие всадников.

Всего на табуле размещены 52 ипотечных договора, заключенные с 47 собственниками. Все ипотеки составлены за единым образцом. Сначала идет имя собственника, который от своего имени или через своих доверенных лиц зарегистрировал земельные владения. Далее указана стоимость сельских владений (*praedia rustica*) и сумма, которую собственники должны получить под залог своих владений. Если в залог передано несколько имений, перечислены отдельные имения (*fundus*), сальтусы (*saltus*), отдельные участки, отданные в аренду (*casa*), выселки (*colonia*), а также, в ряде случаев, указано название сельского поселения (*vicus*) к которому территориально относились описанные имения. Однако села упоминаются нечасто, поскольку владельцы имений не входили в состав сельского населения. В договорах указано также, в каких пагах располагались закладываемые имения и с какими земельными владениями они граничили (частными, общественными, императорскими). Иногда отмечено, что заложена лишь часть имения (*pro parte dimidia* – половина). Наконец, указана стоимость каждого имения и сумма, полученная за него по залогу. Причем суммы, указанные в начале документа, должны совпадать с совокупной суммой за все отдельно указанные земельные владения, как по стоимости, так и по размерам полученных под залог этих владений денег (хотя, как видно из документов, такая согласованность имела место далеко не во всех документах, и мы зафиксировали такую несогласованность как ошибку).

В числах на первом месте стоят тысячи, далее сотни, десятки, единицы. Над тысячами в оригинальном документе поставлена риска, например ХСІ – 41000. Однако, текстовый редактор Word, делает надчеркивание крайне неразборчивым (см. выше), и с целью сделать статью удобочитаемой, мы прибегли к подчеркиванию знака тысяч, например XXXIII CCVI

– 34206. Надеемся, что эта условность – подчеркивание вместо надчеркивания, не повлияет на понимание читателем документа. Иногда тысячи обозначены знаком – ∞.

Сами ипотечные договоры на табуле предваряет надпись, в которой указано, что данный текст является собой «договор залога земельной собственности в обмен на 1044000 сестерций, чтобы милостью всемилостивейшего, наилучшего и величайшего принцепса, Императора и Цезаря Нервы Траяна Августа Германского и Дакийского, мальчики и девочки получали на содержание: 245 законнорожденных мальчиков – каждому по 16 сестерций (на месяц), всего 47040 сестерций (в год); 34 законнорожденные девочки – каждой по 12 сестерций (на месяц), всего 4896 сестерций (в год), 1 незаконнорожденный мальчик – 144 сестерция, 1 незаконнорожденная девочка – 120 сестерций. Всего 52200 сестерций, которые составляют доход в пять процентов от записанной суммы» («Obligatio praediorum ob HS deciens quadraginta quattuor milia, ut ex indulgentia optimi maximi principis Imp. Caes. Nervae Traiani Aug. Germanici Dacici pueri puellaeque alimenta accipiant legitimi n(umero) CCXLV in singulos HS XVI n(umum), f(iunt) HS XLVII XL n(umum), legitimae n(umero) XXXIV, singulae HS XII n(umum), f(iunt) HS IV DCCCXCVI spuria I HS CXLIV, spuria I HS CXX summa HS LII CC quae fit usura (это изображение означает 5 ассов, то есть, рента составляет 5 ассов с сотни – 5% – авт.) sortis supra scribtae») (CIL. XI, I, 1147) [4, № 2845, с. 262].

Как видно из вступления к документу, процент на займ составлял 5% годовых. Это, так называемый «сиротский процент» («pupillares usurae»). По мнению Ульпиана это «такая форма процента, что когда кто-либо использует в своих целях деньги (подопечного), с которых он платит законный процент («esse formam usurarum, ut eius quidem pecuniae, quam quis in usus suos convertit, legitimam usuram praestet»). Далее Ульпиан отметил, что законный процент для опекуна за использование сиротских денег составлял 4-5% («usuras aut quincunces aut trientes») (Dig. XXVI, VII, 7, § 10).

Обсуждение.

Ниже мы приводим текст ипотечных договоров. Принимая во внимание ограниченные размеры нашей статьи, полностью переведены документы №№ 1, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 14, 23, 29, 32, 34, 38, 40, 48. Все остальные документы даны в изложении, при этом выделены названия имений и, по возможности, дана стоимость каждого имения, общая стоимость сельских владений каждого землевладельца и сумма, полученная им от фонда, а также указан округ и паг, в котором эти имения были расположены. Номера полностью переведенных договоров выделены жирным текстом. Указаны также ошибки в подсчетах, допущенные составителями документов и их публикаторами.

1. Квинт Волумний Мемор и Волумния Алке, через своего вольноотпущенника Волумния Диадумена зарегистрировали имение Аврелианум и холм Мулетат с лесом, находящийся в Велейском паге Амфитребио, граничащий с владениями Марка Моммея Персика Сатрия Севера и общественными землями стоимостью 108000 сестерций, получить должен 8692 сестерций, заложив указанное имение («C. Volumnius Memor et Volumnia Alce per Volum. Diadumenum libertum suum professi sunt Fundum Quintiacum Aurelianum collem Muletatem cum silvis qui est Veleiate pago Ambitrebio adfinibus M. Mommeio Persico Satrio Severo et pop. HS CVIII accipere debet HS VIII DCLXXXII n. et fundum s. s. obIigare») (CIL. XI, 1147, I, п. 1) [5, с. 233].

2. Марк Вирий Непот (M. Virius Nepos) зарегистрировал имения Planianum (стоимость 14000 сестерций), Suigianum (20000), Petronianum (4000), Manlianum Hostilianum с участками (11000), Manlianum Storacianum Calpurnianum (20000), два имения под одинаковым названием Munatianum Attianum, одно стоимостью в 28000 сестерций, другое – 14000 сестерций, имения Propertianum (21410), Munatianum Praestanum Vibianum Vaculeianum (14000), Cornelianum Collacterianum Flaccelliacut (26300), половины имений Arsuniacum (84333), Licinianum Virianum (7600), Acilianum Albonianum Caninianum (10432), четверть имения Messianum Allelianum (14000), половину сальтуса Narianos Catusanios (64000), вместе с отдельными участками и выселками в паге Юнонио (Junonio) общей стоимостью 353075 сестерций и должен получить 25353 сестерция заложив эти имения.

В документе суммарная стоимость имений ошибочно указана в 310545 сест. (CIL. XI, 1147, I, п. 2) [5, с. 234].

3. Тит Невий Вер, через своего сына Невия Непота (T. Naevius Verus per Naevium Nepotem f.) зарегистрировал 2 отдельных выселка стоимостью 10000 сестерций, отдельные участки в селе Nitelio (9000) имения Messianum (11000) и Iuanelium (70000), а также четверть имения Ebureliam (12829) в пагах Bagiенно и Domitio общей стоимостью 112829 сестерций (в документе – 77192 сест.), получить должен 6197 сестерций, заложив эти имения.

4. Гай Валерий Вер (C. Valerius Verus) зарегистрировал имения Terentianos и Melapacios (53500), Ibitiam (20503), Crossilianum (2100), Mettunia (31600), а также Buelabras и четверть имения Tusкулатум (Tuscluatum) (30000) в пагах Статилло (Statiello) и Салютаре (Sallutare) общей стоимостью 137703 сестерций (в документе – 107400 сест.), получить должен 12233 сестерций, заложив эти имения.

5. Марк Антоний Приск (M. Antonius Priscus) зарегистрировал имения Antonianum и Cornelianum (23000), Albonianos Vibullianos и Antonianos (18000), Vetutianum Acutianum и Acharianum (43658), Calidianum Lucinianum и Virianos Calidianos Salvianos (23830), Valianos Antonianos Messianos Caturdayanos (32000), Bassilianum Caturdayanum, Atilianum, Saccuasicum Sextianum, Atilianum (46000), Ennianum (35000) вместе с отдельными холмами в паге Альбенсе (Albense) общей стоимостью 221488 сестерций (в документе – 233080 сест.), получить должен 18028 сестерций, заложив эти имения (CIL. XI, I, 1147, п. 5) [5, с. 235].

6. Публий Афраний Аптор зарегистрировал сельские владения стоимостью в 425000 сестерций, получить должен 34206 сестерций и заложить сальтус Гельвонум, находящийся в Велейском паге Домицио, граничащий с (владениями) братьев Анниев, Волумния Кресцента и общественными (владениями), стоимостью в 275000 сестерций за 25000 сестерций, а также выселок Солицеллу в том же паге, граничащую с (владением) Сульпиции Приски и вышеперечисленными, стоимостью 25000 сестерций за 2000 сестерций; а также сальтус Атиелий в том же паге, граничащий с (владениями) Лициния Катона, Антония Приска и общественными владениями, зарегистрированные стоимостью в 125000 сестерций за 7206 сестерций («P. Afranius Aphthorus pro fessus est praedia rustica HS CDXXV accipere debet HS XXXIII CCVI n. et obligari saltum Helvonum qui est in Veleiate pag. Domitio adf. Annis fratribus et Volumnio Crescente et pop. quem professus est HS CCLXXV in HS XXV, item coloniam Solicelos pag. s. s. adf. Sulpicia Prisca et s. s. quem professus est HS XXV in HS II, item saltum Atiliam pag. s. s. adf. Licinio Catone et Antonio Prisco et pop. quem professus est HS CXXV in HS VII CCVI n.»).

7. Луций Корнелий Онесим зарегистрировал половину сальтуса Тупелиум Волумнианум, который находится в Велейском паге Домицио, граничащий с (владениями) Корнелия Гелия, Сульпиция Непота и общественными владениями стоимостью в 51000 сестерций, получить должен 4104 сестерция, заложив (означенную) часть указанного сальтуса («L. Cornelius Onesimus pro fessus est saltum Tuppelium Volumnianum pro parte dimidia qui est in Veleiate pag. Domitio adf. Cornelio Helio et Sulpicio Nepote et pop. HS LI accipere debet HS III CIII n. et pro parte saltum s. s. obligare»). При публикации этого текста, в «Избранных латинских надписях...» стоимость сальтуса ошибочно указана в 2000 сестерций (II), вместо 51000 (LI) [5, с. 235]. В документе, приведенном в «Корпусе латинских надписей» цифра неразборчива, но через несколько страниц составители «Корпуса...» уточнили цифру – 51000 сестерций (CIL. XI, I, 1147, с. 223).

8. Публий Аттилий Сатурнин через Кастриция Секунда зарегистрировал имение Фонтейанум, находящиеся в Велейском паге Юнонио, граничащее с (владениями) Атилия Адулескента, Мелия Севера и общественными землями, стоимостью в 50 тысяч сестерций, должен получить 4025 сестерций, заложив указанное имение («P. Atilius Saturninus per Castricium Secundum professus est fund. Fonteianum qui est in Veleiate pag. Iunonio adf. Atilio Adulescente et Moelio Severo et pop. HS L accipere debet HS III XXV n. et obligare fund. s. s.»).

9. Сульпиция Присцилла через своего вольноотпущенника Сульпиция Субара зарегистрировала сельские владения стоимостью в 490000 сестерций, получить должна 38630 сестерций и заложить сальтусы или имения Рубокатий и Солицело целиком и половину сальтуса Эборелий, которые находятся в Велейских пагах Домицио или Амфитребио и граничат с (владениями) Афрания Аптора, Целия Вера и общественными

владениями, стоимостью в 400000 сестерций за 34000 сестерций, а также сальтус Рубакауст расположенный в Велейском паге Домицио, граничащий с (владениями) Афрания Аптора, Сульпиции Приски и общественными владениями, который зарегистрирован стоимостью в 90000 сестерций за 4630 сестерций («Sulpicia Priscilla per Sulpicium Subarum lib. suum professa est praed. rustica HS CCCCLXXXX accipere debet HS XXXVIII DCXXX n. et obligare salt. sive fund. Rubacotium et Solicelo in solidum et saltum Eboreliam pro parte dimidia qui est in Veleiate pago Domitio sive Ambitrebio adf. Afranio Aphoro et Coelio Vero et pop. quem professa est HS CCCC in HS XXXIII item saltum Rubacaustos in Veleiate pag. Domitio adf. Afranio Aphoro et Sulpicia Prisca et populo quem professa est HS XC in HS III DCXXX n.»). Относительно этого текста, необходимо отметить ошибку в публикации Е. Штаерман. В ней стоимость сальтуса «Рубакауст» указана в 40000 сестерций (XL), хотя в публикации, помещенной в «Корпусе...» четко видно 90000 (XC) (CIL. XI, I, 1147, п. 9). Эта цифра легко проверяется сложением стоимости двух объектов залога – 400000 + 90000 дает в результате искомую цифру в 490000 сестерций.

10. Марк Вибиус сын Марка через своего сына Марка Вибия Вера (M. Vibius Q. f. per M. Vibium Verum f.) зарегистрировал имения Mucianum Veturianum (56000) и Gellianum Flavianum (24000) в паге Флорейо (Floreio) общей стоимостью в 80000 сестерций, получить должен 6438 сестерций, заложив эти имения.

11. Луций Сульпиций Вер зарегистрировал сельские владения стоимостью в 71522 сестерция, получить должен 5714 сестерций и заложить имение Лубаутинос Обсидианум Аррианум, которое находится в Велейском паге Валерио и граничит с (владениями) республики Лука, Миницем Вером, Викриом Сабинном и Луцием Атилием, а также имение Марианум в Велейском паге Сальвио, граничащее с (владения) Грания Приска, Тарсуния и Сульпиция Бакха, причем стоимость обоих вышеназванных зарегистрирована стоимостью в 28600 сестерций за 2214 сестерций, а также имение Луциллиано Дидиано, которое находится в Велейском паге Валерио, граничащее с (владениями) Луки и Валерии Поллы, зарегистрированное стоимостью 40000 сестерций за 3500 сестерций («L. Sulpicius Verus professus est praedia rustica HS LXXI DXXII n. accipere debet HS VDCCXIII n. et obligare fund. Lubautinos Obsidianum Arrianum qui est in Veleiate pago Valerio adf. rep. Lucensium et Minicio Vero et Vicrio Sabino et L. Atilio et fund. Marianum in Veleiate pag. Salvio adf. Granio Prisco et Tarsunio et Sulpicio Baccho quas duabus summis professus est HS XXVIII DC n. in HS IICCCXIII n., item fund. Lucilianos Didianos qui sunt in Veleiate pago Valerio adf. Lucensibus et Valeria Polla quos professus est HS XL in HS IIID n.»). В документе суммарная стоимость имений ошибочно указана в 71522 сестерций, хотя реально сумма составляла 68600 сестерций.

12. Гай Вибий Проб через Вибия Сабина зарегистрировал сельские владения стоимостью 58800 сестерций, должен получить 4668 сестерций, заложив имение Матициано с земельными участками в Велейском паге Салютар, граничащие с (владениями) Атилия и братьев Невиев, которые зарегистрированы стоимостью в 24000 сестерций, должен получить 2000 сестерций, а также имение Геминиано Пизуниак в том же паге, граничащее с (владениями) Атилия Аттило и общественными (владениями), которое зарегистрировано стоимостью в 12700 сестерций за 1000 сестерций, а также земельные участки, которые граничат с вышеназванными собственниками и половину имения Векалений Контазианум в том же паге, граничащие с (владениями) Атилия Аттило и Веллея Ингенуо, причем оба (последних владения) зарегистрированы стоимостью 22000 сестерций за 1668 сестерций («C. Vibius Probus per Vibium Sabinum professus est praedia rustica HS LVIII DCCC n. accipere debet HS III DCLXVIII obligare fund. Maticianos cum casis in Veleiato pago Salutare adf. Attiello et Naemis fratrib. quos professus est HS XXIII in HS II item fund. Geminianos Pisuniacum pag. s. s. adf. Atilio Attielao et pop. quos professus est HS XII DCC n. in HS ∞ item casas pag. et adf. s. s. et fund. Vecalenium Cottasianum pro parte dimidia pag. s. s. adf. Atilio Attielao et Velleio Ingenuo quos duabus summis professus est HS XXII in HS ∞ DCLXVIII n.»). Здесь также ошибка – совокупная стоимость имений должна была бы составлять 58700 сестерций, но в документе приведена цифра 58800 сестерций.

13. Марк Моммей Персик (M. Mommeius Persicus) зарегистрировал земельные владения в составе 23 полных имений, половины 13 имений и четверти имения Фурианум (Furianum) в Велейских пагах Амбитребии (Ambitrebio) и Флорейо (Floreio), а также в Плацентинских пагах Венерио (Venerio), Верцелленце (Vercellence), Вероненсе (Veronense) и

Люрате (Lurate) общей стоимостью 1160116 сест., получить должен 94765 сестерций, заложив эти имения. В документе суммарная стоимость имений ошибочно указана в 1180600 сестерций (CIL. XI, I, 1147, п. 13) [5, с. 236].

14. Публий Альбий Секунд через своего сына Альбия Севера, зарегистрировал сельские владения на 151200 сестерций, должен получить 12153 сестерций и заложить имение Юлианум с гончарными мастерскими и 9 выселками, в пагах Юнонио и Домицио, граничащие с (владениями) Мелия Севера, Марка Велея Физия Диога и общественными владениями, которые зарегистрировал на сумму 120000 сестерций, за 10153 сестерций, а также имение или сальтус Бетутианум в третьем секторе Велейского округа, в паге Домицио деревне Катурниак, граничащие с (владениями) Антония Приска, Гая Антония и общественными владениями, стоимостью в 26200 сестерций за 2000 сестерций» («P. Albius Secundus per Albius Severum fil. suum professus praed. Rustica HS CL CC n. accipere debet HS XII CLIII n. et obligare fundum Iulianum cum figlinis et coloniis VIII pagis Iunonio et Domitio adf. Maelio Severo M. Velleio Fisio Dioga et pop. quem professus est HS CXX in HS XCLIII n. item fund. sive Saltum Betutianum p. p. tertia quae est in Veleiate pag. Domitio vico Caturniaco adf. Antonio Prisco et C. Antonio et pop. quem professus est HS XXVI CC n. in HS II n.»). Здесь также ошибка – совокупная стоимость имений должна была бы составлять 146200 сестерций, но в документе приведена цифра 151200 сестерций.

15. Гай Деллий Прокул через вольноотпущенника Гая Деллия Гермена (C. Dellius Proculus per C. Dellium Hermen lib.) зарегистрировал имение Cornelianum и половины имений Terentianum и Pulleliacum, четверть имения Vitillianum Rufianum, шестую часть имения Virocaseum (44630), половину имения Asellianum Egnatianum (33000), имение Afranianum Mancianum Bittelum Arruntianum (155000), сальтус Narianum Catucianum (21500), имение Corbellianum Asellianum Egnatianum (53000) в пагах Floreio, Salutare и Iunonio общей стоимостью 307130 сестерций (в документе – 292820 сестерций), получить должен 23501 сестерций, заложив эти имения.

16. Гай Целий Вер через раба Онесима (C. Caelius Verus per Onesimum servum) зарегистрировал земельные владения в составе 15 полных имений и сальтусов, восемь половинок и 0,1 имения в Велейских пагах Iunonio, Medutio, Domitio, Statiello, Salutare, Albense и Bagiенно, Лукском паге Minervio, Пармском паге Salvio и Плацентийских пагах Vercellense, Herculanum и Farraticano, общей стоимостью в 867764 сестерций (в документе – 292820 сест.), получить должен 67850 сестерций, заложив эти имения (CIL. XI, I, 1147, п. 16) [5, с. 237].

17. Луций Анний Руфин с братом Гаем Аннием Вером (L. Annius Rufinus et C. Anni Veri frat.) зарегистрировали земельные владения в составе 9 полных имений и сальтусов и трех половинок имений в Велейских пагах Bagiенно, Domitio, Statiello и Albense, а также в Лукском паге Minervio стоимостью 1044400 сестерций (в документе – 1014090 сест.), получить должен 83950 сест., заложив эти имения (CIL. XI, I, 1147, п. 17) [5, с. 238].

18. Луций Луциллий Коллин (L. Lucilius Collinus) зарегистрировал земельные владения в составе имений Minicianum Passenniano с холмами Herennianis (28000), половинки имений Minicianum Vettianum и Olympianum (44975), а также отдельных холмов в паге Ambitrebio стоимостью 72975 сестерций (в тексте 75975 сестерций), получить должен 6006 сестерций (в документе – 6036 сестерций), заложив эти имения.

19. Луций Граний Приск через раба Виктора (L. Granus Priscus per Victorem ser.) зарегистрировал имение Latipianum и половину имения Iunianum (23400), имение Iuniano и половины имений Metilianum и Summetis Valerianis (43400), имение Caesianos Naevianos Firmianos Arranianum Carigenum и Atilianum Arruntianum Innielium Antiате (37000), имения Calidianum, Triccellianum, Mucianum, Cassianum и половину холмов Suffitanas (31000), имения Granianos Afranianos и Valeriam Laeviam (44000) в Велейских пагах Floreio, Iunonio, Salvio и Плацентийском паге Herculanum, общей стоимостью 178800 сестерций (в тексте – 148420), получить должен 11912 сестерций.

20. Публий Антоний Сабин (P. Antonius Sabinus) зарегистрировал имения Valerianum (73650), Calidianum, Serranillianum, половины имений Ancharianum, Virtianum, Virgianum Vicanianum Mammuleianum (56800) в пагах Albense и Domitio, общей стоимостью 130450 сестерций (в тексте – 132450 сестерций), получить должен 10624 сестерций, заложив эти имения.

21. Гай Калидий Прокул (С. Calidius Proculus) зарегистрировал земельные владения в составе 10 полных имений и половины одного имения в Велейском паге Albense и Либарнском паге Moninate общей стоимостью 189410 сестерций (в тексте – 233530 сест.), получить должен 16338 сест., заложив эти имения.

22. Гай Волумний Эпафродит (С. Volumnius Epaphroditus) зарегистрировал земельные владения в составе 12 полных имений и половины имения Valerianis, вместе с отдельными участками и отдельными домами в Велейском паге Ambitrebio и плацентийском паге Vercellense, общей стоимостью 383500 сест. (в тексте – 418250 сест.), получить должен 33562 сестерций, заложив эти имения (СIL. XI, I, 1147, п. 22) [5, с. 239].

23. Луций Лициний сын Луция через Ветурия Севера зарегистрировал имения Валерианум, Метиллианум, Тудинум, Клодианум и Вертумнианум в Велейском паге Дианио, общей стоимостью в 50350 сестерций, получить должен 4025 сестерций, заложив означенные имения («L. Licinius L. f. per Veturium Severum prof. est fund. Valerianum et Metilian. et Tudinum et Clodianum et Veturianum in Veleiate pag. Dianio HS L CCCL n. accipere debet HS IV XXV n. et fund. s. s. obligare»).

24. Луций Мелий Север (L. Maelius Severus) зарегистрировал земельные владения в составе 16 полных имений, а также половины имений Petronianum и Demetrianum Cassianum в пагах Medutio, Iunonio и Floreio, общей стоимостью 349450 сест. (в тексте – 420110 сест.), получить должен 33804 сестерция, заложив эти имения. В публикации Е. Штаерман общая стоимость ошибочно указана в 33803 (XXXIII DCCCIII) сестерция. [5, с. 239].

25. Антония Вера через Анния Руфина (Antonia Vera per Annium Rufinum) зарегистрировала земельные владения в составе имений Antonianum Collianum Valerianum Cornelianum (180000), Antonianum (26666) в Велейском паге Albense, стоимостью 206666 сестерций (в тексте – 210866 сестерций), получить должна 16902 сестерций, заложив эти имения.

26. Квинт Вибий сын Гая (С. Vibius C. f.) зарегистрировал имения Satrianum (40000), Aurelianos Vettianos, Muttienanos Vibianos и половины Vibullianum Calidianum (45660), имение Betutianos Aurelianos и половину имения Vibianum (52882), Vibullianum Calidianum (15000) в паге Bagiенно, общей стоимостью 153542 сест. (в тексте – 155842 сест.), получить должен 12475 сестерций, заложив эти имения (СIL. XI, I, 1147, п. 26) [5, с. 240].

27. Марк Вариус Феликс (M. Varius Felix.) зарегистрировал имения Naevinos (24000), Orbaniacum (12000), Taxtanulas и, шестую часть имения Budacelium (16050), а также имение (неразборчиво) (6300) в паге Дианио, общей стоимостью 58350 сестерций, получить должен 4668 сест., заложив эти имения.

28. Гней Антоний Приск (Сn. Antonius Priscus) зарегистрировал земельные владения в составе 8 полных имений, половинки 6 имений с отдельными холмами в пагах Domitio, Libarnensi, Albense, Bagiенно, общей стоимостью 335533 сестерций (в документе – 351633 сестерция), получить должен 28250 сестерций, заложив эти имения.

29. Луций Корнелий Гелий через своего раба Фортуната зарегистрировал половину имения Тупиллиам Вибуллианум Волумнианум, в Велейском паге Домицио, граничащее с (владениями) Сульпиция Непота, Лициния Катона и общественными землями, стоимостью в 50000 сестерций, должен получить 3075 сестерций» («L. Cornelius Helius per Fortunatum servum suum prof. est fund. Tuppilium Vibullianum Volumnianum p. p. dimid. in Veleiate pag. Domitio adf. Sulpicio Nepote et Licinio Catone et pop. HS L accipere debet HS III LXXV n. et fund. s. s. obligare»). И в этом тексте необходимо отметить ошибку, как в тексте «Избранных латинских надписей», так и в тексте, помещенном в «Корпусе латинских надписей». В обеих публикациях документах стоимость имения обозначена в 1000 сест. (I), что есть очевидной ошибкой, потому что заложен он был за 3075 сестерций. Однако на 224 странице «Корпуса...» указана правильная цифра 50000 (L) (СIL. XI, I, 1147, с. 224).

30. Гай Вибий Север через своего вольноотпущенника Вибия Кальва (С. Vibius Severus per Vibium Calvum lib.) зарегистрировал земельные владения в составе имений и сальтусов Ulilam, Velabras, Craedelium (301000), Coilianum (26000), Vetutianum Scantiniacum (26600), Virianum (72000), Statianum (72000), Tresianum (37000), Antonianum (12000), Caturniacum (41150), Cornelianum (40000), половины имения Aeschinianum (45000) в Велейских пагах Ambitrebio, Medutio, Domitio и Curate, а также в Плацентийских пагах Venerio и Valerio,

общей стоимостью 672150 сестерций (в документе – 673660 сест.), получить должен 53362 сестерция, заложив эти имения.

31. Корнелия Севера (Cornelia Severa) зарегистрировала 22 полных имения и половинки двух имений в Велейских пагах Ambitrebio, Domitio, Bagienco, Плацентийских пагах Vercellensi, Salutare, Novioduno, Briagontino, Ceriale, Valentino, Minervio, Iulio, Herclanio и Пармском паге Mercuriale, общей стоимостью 1200700 сест. (в документе – 1158150 сест.), получить должна 95910 сест., заложив эти имения (CIL. XI, I, 1147, п. 31) [5, с. 241].

32. Миниция Полла зарегистрировала сельские владения стоимостью в 65400 сестерций, получить должна 5231 сестерций, заложив имение Венекланум Теренцианум Домицианум Петронианум, которое находится в Велейском паге Флорейа и граничит с императорскими владениями, землями республики Лука, стоимостью в 35000 сестерций за 3200 сестерций, а также имение Секстианум в том же паге, граничащее с (владениями) Луция Сульпиция и Гая Делия, а также общественной землей, зарегистрированное на сумму 24000 сестерций за 2031 сестерций» («Minicia Polla prof. est praed. rustica HS LXV CCCC n. accipere debet HS V CCXXXI n. et obligare fund. Veneclanum Terentianum Domitianum Petronianum qui est in Veleiate pag. Floreio adf. imp. n. et re p. Lucensium quem prof. est HS XXXV in HS III CC n., item fund. Sextianum pag. s. s. adf. L. Sulpicio et C. Dellio et pop. quem prof. est HS XXIII in HS II XXXI n.»). И в этом документе составители документа допустили очевидную ошибку, указав сумму совокупной стоимости имений в 65400 сестерций, хотя она должна бы составлять 59000 сестерций (35000 + 24000). Кроме того, отметим и ошибку в «Избранных латинских надписях». Там приведена цифра в 70231 сест. (LXX CCXXXI) которые должна была взять Миниция Полла, заложив земельные владения стоимостью в 65400 сест. (LXV CCCC) – то есть, вышла явная бессмыслица. В тексте документа, приведенном в «Корпусе...» цифра неразборчива. Однако, чуть дальше, на странице 224, приведена правильная цифра – 5231 сест. (V CCXXXI) (CIL. XI, I, 1147, с. 224). Эта цифра легко проверяется, потому что соответствует сумме денег, взятых под залог первого и второго имений (3200 + 2031 = 5231).

33. Тит Невий Титулий через Невия Гиннама зарегистрировал земельные владения стоимостью в 53900 сестерций, получить должен 4265 сестерций, заложив имение Трим(....) Тарквианос Локрезиянум, которое находится в Велейском паге Домицио и граничит с (владениями) Лициния Катона и Валерия Непота, стоимостью в 13800 сестерций за 106(5) сест., а также имение Tarquitianum, граничащее с Корнелием Гелием и Онесимом, стоимостью 40000 сестерций за 3200 сестерций. («T. Naevius Titulius per Naevium Cinnamum prof. est praedia rustica HS LIII DCCCC n. accipere debet HS III CCLXV n. et obligare fund. Trim... Tarquitianos Locresian. in Veleiate pag. Domitio adf. Licinio Catone et Valerio Nepote quem prof. est HS XIII DCCC n. in HS ∞ LX... item fund. Tarquitianum adf. Cornelis Helio et Onesimo et pop. quem prof. est HS XL in HS III CC n.»). В документе ошибка – суммарная стоимость составляет 53800 сест., в документе – 53900 сест.

34. Квинт Понтий Лиг через сына Луция Понтия зарегистрировал имения Aulianos Caerellianos Pullienianos Sornianos, Paternum, Naevianum Titianum, Metilianum Velleianum Helvianum Granianum в паге Salvio, выше села Ирруако, общей стоимостью 62920 сестерций, получить должен 4990 сестерций, заложив эти имения («C. Pontius Ligus per L. Pontium III. prof. est fund. Aulianos Caerellianos Pullienianos Sornianos et fund. Paternum et fund. Naevianum Titianum et fund. Metilianum Velleianum Helvianum Granianum in Veleiate pag. Salvio super vico Irruaco HS LXII DCCCXX n. accipere debet HS III DCCCCLXXX n. et fund. s. s. obligare»).

35. Валерия Ингенуа через вольноотпущенника Валерия Лукриона (Valeria Ingenua per Valerium Lucrionem lib.) зарегистрировала имения Varpros (12260) и Aemilianum Arruntianum (57000) в пагах Statiello и Velleio, общей стоимостью 69260 сест., получить должна 5553 сест., заложив эти имения.

36. Луций Ветурий Север (L. Veturius Severus) зарегистрировал половину имения Valerianum Genaviam и четверть имения Liccolevescum (19800), а также половину имения Caudiacas (36000) в пагах Dianio и Statiello, общей стоимостью 55800 сестерций, получить должен 4426 сестерций, заложив эти имения (CIL. XI, I, 1147, п. 36) [5, с. 242].

37. Луций Валерий Парра через сына Валерия Акцепта (L. Valerius Parra per Valerium Accertum fil.) заложил имение Aminianum Atilianum Propertianum с отдельными участками и имение Eburcianis Pollianum Ferramianum (80000), а также половину имения Velabras

(20000) в Велейском паге Floreio и Плацентийском паге Herculano, стоимостью в 100000 сестерций (в документе – 98000 сест.) за 7887 сестерций.

38. Бетутия Фуска через своего вольноотпущенника Бетутия, зарегистрировала, за вычетом налогов, имения Попилианум и Валерианум в Велейском округе Медутий, граничащие с императорскими владениями, землями республики Лука, а также с (владениями) Элия Севера и Сатрия Севера, стоимостью 90200 сестерций, должна получить 7243 сестерция, заложив вышеуказанные имения» («Betutia Fusca per Betutium lib. suum prof. est deducto vectigali fund. Popilianum et Valerianum in Veleiate pag. Medutio adf. imp. n. et re p. Lucensium et Aelio Severo et Satrio Severo HS XС CC n. accipere debet HS VII CCXLIII n. et fund. s. s. obligare»).

39. Глития Марцелла (Glitia Marcella) зарегистрировала сальтус Drusianum с выселками в паге Salvio, стоимостью 100000 сестерций, получить должна 8050 сестерций, заложив имение.

40. Петроний Эпимелес зарегистрировал имения Карруфанинум и Вентилианум вместе с отдельными земельными участками в Велейском паге Флорейа и Плацентинском паге Геркуланий, граничащие с (владениями) Квинта Бебия Вера, Вирия Непота и общественными землями, стоимостью, за вычетом налогов, 71256 сестерций, должен получить 5714 сестерций, заложив вышеуказанные имения» («Petronius Epimeles prof. fund. Carrufanianum et Ventilianum cum casis in Veleiate pag. Floreio et in Placentino pag. Herculano adf. Q. Baebio Vero et Virio Nepote et pop. deducto vectigali HS LXXI CCLVI n. accipere debet HS VDCCXIII n. et oblig. fund. s. s.»).

41. Квинт Акцей Эбутий Сатурнин через вольноотпущенника Эбутия Гермена (Q. Accaeus Aebutius Saturninus per Aebutium Hermen lib.) зарегистрировал имение Antonianum в паге Albense, стоимостью 158800 сестерций, получить должен 12716 сестерций, заложив имение.

42. Гай Невий Фирмин с сиротой Невием Мемором через Луция Невия (С. Naevius Firminus et Pupill. Naevius Memor per L. Naevium) зарегистрировал имения Didianum Albianum Vibianum (74700) и Betutianum Ulamonium (98500) в паге Bagiенно, общей стоимостью 173200 сест. (в документе – 113600 сест.), получить должен 9094 сест., заложив эти имения.

43. Поселенцы Луки (Coloni Lucenses) зарегистрировали земельные владения, расположенные в пагах округов Лука (Lucensi), Велейа (Veleiate), Парма (Parmense) и Плацентия (Placentino) общей стоимостью в 1600000 сестерций, получить должны 128700 сестерций, заложив эти владения.

44. Тит Валлий Вер (T. Valius Verus) зарегистрировал имения Caninianum (40000), Cornelianum Dellianum (38700), Calventianum Sextianum, Salvianum, Epiano Titiolano Histrioduno, Taurianis, Afriano Dextriano (150200) Vitulianum (80000) в Велейанских пагах Ceriale и Ambitrebio, а также в Плацентийских пагах Vercelense и Sinnense, общей стоимостью 308900 сестерций (в тексте – 246842 сест.), получить должен 19000 сестерций, заложив эти имения (CIL. XI, I, 1147, п. 44) [5, с. 243].

45. Публий Публиций Сенекс (P. Publicius Senex) зарегистрировал сельские владения в составе 18 с четвертью имений, а также участки в Плацентийских пагах Herculano и Verontensi, общей стоимостью 268400 сестерций (в тексте – 271100 сестерций), получить должен 21811 сестерций, заложив эти имения.

46. Луций Вирий Фиск (L. Virius Fuscus) заложил имения Octavianum (36000), Virtianum (40000), Numisianum (65000), Hostilianum (10000), Pistil(lianum) (30000), Calvianum (20000) и еще одно Virtianum (36000) в Плацентийском паге Herclano, общей стоимостью 237000 сестерций (в тексте – 269000 сестерций), получить должен 21650 сестерций, заложив эти имения.

47. Гай Целий Вер (С. Caelius Verus) зарегистрировал сальтусы Avegam Veccium Debelos, Velvias Leucomelium вместе с гончарными мастерскими в паге Albense, стоимостью в 90000 сестерций, получить должен 9000 сест., заложив данные владения, а также половину имения Valerianum Tovianas Adrusiacum Lucilianum и четверть имения Noniacum в паге Statiello стоимостью 60000 сест. получить должен 6000 сест., заложив эти владения.

48. Луций Корнелий Север зарегистрировал сальтус Блезиолам, находящийся в пагах Багиенно и Монинат округов Либарна и Велейа, граничащий с (владениями) Вибия Севера и

общественными землями, стоимостью в 350000 сестерций, должен получить 35000 сестерций» («L. Cornelius Severus professus est saltum Blaesiolum qui est in Libarnese et Veleiate pagis Bagiennis et Moninate adf. Vibio Severo et pop. HS CCCL accipere debet HS XXXV»).

49. Квинт Вибий Север (C. Vibi Severi) зарегистрировал имение Aurelianus Coelianus в паге Ambitrebio, стоимостью 30000, получить должен 3000 сестерций, заложив это имение.

50. Сальтус Аттинава вместе с имением Флавиано Мессiano Виппониано (saltus Attinava cum fundo Flaviano Messiano Vipponiano) в паге Ambitrebio стоимостью в 30000 сестерций заложены за 3000 сестерций.

51. Марк Моммей Персик (M. Mommei Persici) зарегистрировал сальтус Nevidunus в Велейском паге Sulco, стоимостью 60000, получить должен 6000 сестерций, заложив данный сальтус (CIL. XI, I, 1147, п. 51) [5, с. 244].

52. Вибия Сабина (Vibiae Sabinae) зарегистрировала сальтусы Carucla и Velius и половину имения Naevianus в пагах Salvio и Valerio общей стоимостью 100000 сестерций, получить должна 10000 сестерций, заложив эти владения.

Результаты.

Все заложенные имения находятся в пагах 5 округов: Велейя, Плаценция, Лука, Парма и Либарна. В округе Велейя упоминаются паги Albensis, Ambitrebis, Bagiennus, Curate, Dianis, Domitius, Eboreus, Floreius, Iunonius, Medutius, Salvius, Salutaris, Sulcus, Velleius; в округе Плаценция – паги Cerialis, Briagontinis, Farraticanus, Herculanus, Iulius, Luratis Minervius, Noviodunus, Sinnensis, Stielus, Valentinus, Valerius, Venerius, Vercellensis, Verontensis; в округе Лука – паг Minervus; Парма – паги Salvius и Mercurialis; Либарна – паги Libarnensis и Moninatus.

Свои названия имения получили еще при выведении колоний от своих первоначальных собственников (например «fundus Valerianum» – по имени бывшего собственника Валерия). Названия, генетически не связанные с римскими именами, очевидно, представляют собой их начальные кельтские или лигурийские названия [8, с. 124]. Как общее правило, следует отметить, что имения, имеющие окончание «anum» (в именительном падеже «anus»), восходят к римским именам, остальные, с большим вероятием – к кельтско-лигурийским. Если имения носят несколько названий, очевидно, они были образованы из нескольких более мелких владений, которые, в свое время, принадлежали нескольким собственникам.

Площадь имений в документах не указана, однако ее можно определить приблизительно, исходя из стоимости югера земли (югер – 0,2942 га). Судя по упоминаниям в источниках, она составляла приблизительно 1000 сестерций. Так Колумелла отметил, что участок виноградника, площадью в 7 югеров обойдется в 8000 сестерций (Columella. De r. r. 3, 3, 8). Цицерон, в письме Аттику, написанном в 59 году до нашей эры упомянул о том, что Цезарь наделил римских граждан, отцов трех детей, земельными участками площадью в 10 югеров (Cic. ad Att. 2, 16, 1), а Октавиан Август в аналогичных обстоятельствах дал каждому колонисту по 12 тысяч сестерций для покупки земельных участков [8, с. 128], причем размеры земельных участков ветеранов, как правило, не превышали 10 югеров [12, с. 16]. Разумеется, цена участка зависит от хозяйственного использования земли, близости водных источников, возможности транспортирования продуктов на рынки, цена виноградника больше, чем цена пастбища, однако принятие базовой стоимости одного югера в 1000 сестерций, представляется близким к истине. Тем более, что Велейя расположена вдали от моря, в Аппенинах, потому и земельные участки особенно дорогими быть не могли.

Принимая стоимость одного югера в 1000 сестерций, можно проанализировать договоры, исходя из площади земельных владений: до 100 югеров – 22; 100–400 югеров – 21; 400–1000 югеров – 5; свыше 1000 югеров – 4 (одно из них – имущество колонистов Луки). Проанализировав эти цифры, приходим к выводу, что большая часть земельных владений была небольшого (22) или среднего (21) размеров. Пятеро собственников, исходя из имущественного ценза, могли быть всадниками а имущество троих соответствовало имущественному цензу сенаторов. Однако следует отметить, что собственники закладывали лишь часть своих имений и, поэтому, цифры должны быть значительно большими.

Более информативна таблица, в которой учтена площадь отдельных владений (*fundus, saltus, casa, colonia*). Всего таких имений – 260. Их площадь варьируется в значительных пределах, от 2 до 490 югеров. Мы сгруппировали их в три категории: до 20 югеров – 50; 20–100 югеров – 181; 100–500 югеров – 29. К первой категории относятся земельные владения, сопоставимые по размеру с крестьянскими участками. Обычно такие участки собственник передавал в аренду одной семье, поскольку считалось, что земельные владения, оставленные без хозяйственного присмотра, лучше передавать в аренду, чем обрабатывать с помощью рабов [12, с. 35]. Ко второй категории отнесем земельные владения средних размеров. Они, как правило, обрабатывались рабами под руководством управителя или самого хозяина. Третья категория – это виллы среднего и большого размеры, которые обрабатывались, как и предыдущая категория. Участки свыше 500 югеров обычно уже считают латифундиями. Среди проанализированных имений таковых нет.

Заключение.

Итак, в статье проанализированы ипотечные договоры, зафиксированы на бронзовых досках, найденных в италийском регионе Велея, получившие название «*Tabula Veleia*». Переведена часть ипотечных договоров, а остальные даны в изложении. Определена структура и содержание этих ипотек, структура земельных владений и их происхождение. Не вызывает сомнения, что публикация этого документа будет способствовать дальнейшим исследованиям и пригодится как при анализе важнейших финансово-экономических понятий, так и работе, собственно, историков-античников.

Примечания:

1. Сайко М. М. Благодійні фонди в Римській імперії та їх кредитна діяльність // Науковий збірник БДФУ. Гуманітарні науки: збірник наукових праць. Випуск 6. Чернівці: Технодрук, 2013. С. 159-166.
2. Desjardins E. De tabulis alimentariis disputatione historicam facultati litterarum Parisiensi. – Parisiis: A. Durand, 1854. 76+LXVIII p.
3. Corpus Inscriptionum Latinarum (CIL). Vol. XI: Part I: Inscriptiones Aemiliae et Etruriae Comprehendens. Berolini, 1888. 591 p.
4. Wilmanns Gustavus. Exempla inscriptionum Latinarum: in usum praecipue academicum. Tomus Posterior. Berolini: Apud Weidmannos, 1873. 737 p.
5. Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской Империи. Подбор, перевод и комментарий Е. М. Штаерман // Вестник древней истории. 1955. № 2. С. 233-245.
6. Criniti N. Tabula alimentaria di Veleia versione italiana IV // [On-line resource]. Access mode: <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&=&btnG=&btnI=&ei=Criniti+Nicola.+Tabula+alimentaria+ai+Veleia+versione+italiana>. Access: – May 10, 2012.
7. Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под редакцией С. Л. Утченко. М.: изд.-во социально-экономической литературы, 1962. 675 с.
8. Mommsen T. Die italische Bodentheilung und die Alimentartafeln // Gesammelte Schriften fünfter band: Historische Schriften. Zweiter Band. Berlin. Weidmannsche Buchhaltung, 1908. S. 123-145.
9. Garnsey Peter. Trajan's Alimenta: Some Problems // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte Bd. 1968. 17. H. 3. P. 367-381.
10. CIL. Vol. VIII. Pars II: Inscriptiones Africae Latinae. Berolini, 1881. P. 715-1141.
11. CIL. Vol. II: Inscriptiones Hispaniae Latinae. Berolini, 1869. 780 p.
12. Кузицин В. И. Римское рабовладельческое поместье II в до н. э. – I в. н. э. М.: издательство Московского университета, 1973. 252 с.

References

1. Saiko M. M. Blagodiini fondi v Rims'kii imperii ta ikh kreditna diyal'nist' // Naukovii zbirnik BDFU. Gumanitarni nauki: zbirnik naukovikh prats'. Vipusk 6. Chernivtsi: Tekhnodruk, 2013. S. 159-166.
2. Desjardins E. De tabulis alimentariis disputatione historicam facultati litterarum Parisiensi. – Parisiis: A. Durand, 1854. 76+LXVIII p.

3. Corpus Inscriptionum Latinarum (CIL). Vol. XI: Part I: Inscriptiones Aemiliae et Etruriae Comprehendens. Berolini, 1888. 591 p.
4. Wilmanns Gustavus. Exempla inscriptionum Latinarum: in usum praecipue academicum. Tomus Posterior. Berolini: Apud Weidmannos, 1873. 737 p.
5. Izbrannye latinskie nadpisi po sotsial'no-ekonomicheskoi istorii rannei Rimskoi Imperii. Podbor, perevod i kommentarii E. M. Shtaerman // Vestnik drevnei istorii. 1955. № 2. S. 233-245.
6. Criniti N. Tabula alimentaria di Veleia versione italiana IV // [On-line resource]. Access mode: <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&=&btnG=&btnI=&ei=Criniti+Nicola.+Tabula+alimentaria+ai+Veleia+versione+italiana>. Access: – May 10, 2012.
7. Khrestomatiya po istorii Drevnego Rima / Pod redaktsiei S. L. Utchenko. M.: izd.-vo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1962. 675 s.
8. Mommsen T. Die italische Bodentheilung und die Alimentartafeln // Gesammelte Schriften fünfter band: Historische Schriften. Zweiter Band. Berlin. Weidmannsche Buchhaltung, 1908. S. 123-145.
9. Garnsey Peter. Trajan's Alimenta: Some Problems // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte Bd. 1968. 17. H. 3. P. 367-381.
10. CIL. Vol. VIII. Pars II: Inscriptiones Africae Latinae. Berolini, 1881. R. 715-1141.
11. CIL. Vol. II: Inscriptiones Hispaniae Latinae. Berolini, 1869. 780 p.
12. Kuzishchin V. I. Rimskoe rabovladel'cheskoe pomest'e II v do n. e. – I v. n. e. M.: izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1973. 252 s.

Сокращения (abbreviations).

Dig. – Digestae Justiniani Augusti.

Columella. De r. r. – Columella L. Iunius Moderatus. De Re Rustica.

Cic. ad Att. – M. Tullius Cicero. Epistulae ad Atticum.

УДК 94(37).05.07.

Кредитные документы императорского алиментарного фонда в Древнем Риме («Tabula Veleia»)

Михаил Николаевич Сайко

Буковинский государственный финансово-экономический университет, Украина

58008, Черновцы, ул. Штерна, 1

кандидат исторических наук, доцент

E-mail: mihail.saiko@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы ипотечные договоры, зафиксированные на бронзовых досках, найденных в итальянском регионе Велейя и получившие в науке название «Tabula Veleia». Это договоры, заключенные между управлением императорского алиментарного фонда в Циспаданской Галлии и Лигурии и землевладельцами округов Велейя, Плаценция, Лука, Парма и Либарна о предоставлении займа под залог земельных владений. Денежные средства полученные по процентным выплатам шли на содержание сирот и свободнорожденных детей неимущих родителей, до их совершеннолетия.

Табула «Велейя» содержит 52 договора займа, 15 из которых переведены на русский язык полностью, остальные даны в изложении. Определена структура и содержание этих ипотек, а также выявлены ошибки при подсчетах, содержащиеся в документах и некоторых публикациях. Проанализирована структура и размеры земельных владений, площадь которых варьируется от нескольких десятков югеров до более, чем 1000 югеров. Исследованы также земельные владения каждого собственника, которые состояли из отдельных имений, площадь которых варьировалась в значительных пределах, от 2 до 490

югеров. Проанализированы также названия имений. Определено, что названия имений, заканчивающиеся на «anus», восходят к римским именам, остальные – к кельтско-лигурийским. Публикация Велейской табулы позволяет ознакомиться с реальными финансово-кредитными документами, а выводы, сделанные на основе ее анализа будут способствовать более глубокому пониманию социально-экономических отношений в Древнем Риме.

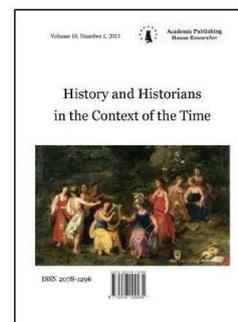
Ключевые слова: Tabula Veleia, Древний Рим, алиментарный фонд, ипотечный договор.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2014.
ISSN: 2078-1296
Vol. 12, No. 1, pp. 37-47, 2014

DOI: 10.13187/issn.2078-1296
www.ejournal3.com

UDC 355.018(477.53): 94 «1914/18»

Ukrainian Peasants' Perception of the Image of Nikolay II during World War I (based on Materials on the Poltava Governorate)

Viktor I. Sarancha

Kremenchug Mikhail Ostrogradskiy National University, Ukraine
39600, 20, Pershotravneva Street, Kremenchuk
Postgraduate student
E-mail: visar73@mail.ru

Abstract. This article examines the characteristics of Ukrainian peasants' perception of the image of the last Russian emperor during World War I. The author devotes special attention to such aspects of "military consciousness" as: one's perception of the image of the enemy, one's attitude towards the war and army service, and one's interpretation of the causes of the war and its possible consequences.

Keywords: Emperor; Nikolay II; World War I; peasants; Poltava Governorate.

Введение.

Эпохальное значение Великой войны (1914-1918 гг.) выводит ее за рамки ординарных вооруженных конфликтов. Она изменила вектор развития цивилизации и определила облик XX века, с его революциями, войнами и диктатурами. Современный интерес к Первой мировой обусловлен наличием в ее истории «белых пятен», связанных, в первую очередь, с проблематикой «культуры войны» – «широкого спектра различных аспектов духовной жизни, возникших или трансформировавшихся вследствие всепроникающего влияния войны на все грани бытия – образование, воспитание,... религию, формы индивидуального и коллективного быта, ценности» [1].

Со второй половины прошлого века именно исследования «культуры войны» доминируют в западноевропейской историографии Первой мировой. Отказ от догматического восприятия исторического процесса способствовал проникновению данных тенденций на постсоветское пространство. Среди исследований в области военной психологии и антропологии следует выделить работы Поршневой О.С. [2] и Сенявской Е.С. [3]; особенности социального поведения национальных меньшинств Российской империи во время войны рассмотрены Черкасовым А.А. [4].

По словам Р. Уортмана: «Русский император сохранял абсолютную власть до начала XX в., и потому политические мифы и связанные с ними представления продолжали играть заметную роль вплоть до самого падения династии» [5]. Еще в начале царствования Николай II «хотел обратиться к древнейшим напластованиям народного сознания, в которых, как он надеялся, сохранялся образ православного государя, любимого народом» [6]. Непонимание императором глубинной народной психологии и неудачное исполнение роли «сакрального царя» привели, в итоге, к гибели государства.

Целью настоящей работы является попытка определить источники формирования и причины трансформации образа последнего российского императора в сознании украинского крестьянства во время Первой мировой войны. Кроме того, в статье рассматриваются такие аспекты «военного сознания» украинского провинциального социума как: восприятие образа врага, отношение к войне и службе в армии, интерпретация причин войны и ее возможных последствий.

Одной из задач исследования является внесение корректировок в представления о всеобщем энтузиазме, связанном с началом войны; небывалой волне патриотизма и «единении царя с народом». Излагаемые здесь материалы и выводы – это обратная сторона «настроения 1914 года», без которой построение объективной картины жизни во время Великой войны не возможно.

В то же время следует отметить, что согласно наблюдениям властей призывы новобранцев и запасных в Полтавской губернии внешне проходили очень спокойно: «Призывники являлись охотно. Настроение населения... благоприятное и всюду высокопатриотичное» [7]. Вскоре после окончания Первой мировой Н.Н.Головин отмечал высокий боевой дух украинцев-выходцев из казачьих регионов, предпочитавших плену гибель на полях брани, с которых не вернулся 17421 уроженец Полтавщины [8].

Материалы и методы.

Основными источниками для написания данной статьи стали материалы, находящиеся в фондах Центрального государственного исторического архива Украины, г. Киев (№ 320, № 321) и Государственного архива Полтавской области (№ 138, № 83).

Кроме того, при подготовке работы использовались периодические издания, статистические и фольклорные сборники, литературные произведения.

В работе использованы историко-сравнительный, историко-типологический и социально-психологический методы.

Обсуждение проблемы.

Принято считать, что победа Февральской революции была обусловлена десакрализацией императорской власти и крахом «наивного монархизма» в крестьянской среде. При этом следует говорить не о гибели самой монархической идеи, а лишь о вотуме народного недоверия к Николаю II, что подтверждается реставрацией авторитарной власти уже в рамках СССР.

В большинстве случаев объектом современных исследований менталитета и социального поведения крестьян являются великороссийские губернии, с последующей экстраполяцией результатов на все имперское пространство. В данном контексте воссоздание образа Николая II сквозь призму восприятия его населением украинских губерний приобретает актуальное научное значение.

Накануне Первой мировой войны 85 % населения Полтавщины проживало в сельской местности. При этом около 40 % жителей губернии составляли казаки – носители особого менталитета и традиций, уходивших корнями в Гетманщину XVII–XVIII вв. [9]. Не знавшие, в большинстве своем, крепостной зависимости, мобильные, с ярко выраженным стремлением к индивидуализму, они часто являли собой полную противоположность крестьянину-общиннику.

В отличие от крестьянства, крепко державшегося за землю и воспринимавшего войну как злой рок, воспитанное в духе славных традиций, полтавское казачество достаточно охотно шло на службу. Неоднократно в течении XIX века (1812, 1831, 1855, 1863) на Полтавщине формировались казачьи полки, успешно сражавшиеся на полях Отечественной и Крымской войн.

В то же время длительное проживание в едином социокультурном пространстве максимально сблизило менталитет и социальные установки полтавских крестьян и казаков. Так, в большинстве сельских хат Полтавщины в сакральном углу, рядом с иконами, находилось изображение казака Мамаю, девиз которого стал своеобразным культурным кодом для украинцев XVII–XIX в.в.:

«Не завидую никому – ни панам, и не царю,
Богу своему святому я за все благодарю,

Хотя телом и не славен, но жизнь весело веду,
И в делах своих исправен, я вовек не пропаду»

Если в патриархально-общинном сознании великорусского крестьянина царь был олицетворением священных начал государства-семьи («Царь-батюшка») и исполнителем воли Божьей (Царь – от Бога пристав), то казацко-крестьянским населением Украины он воспринимался, скорее, как шахматный король: фигура, высокий статус которой определен правилами и без которого игра не возможна. Примером «очеловечивания» «помазанников Божьих» в украинском фольклоре могут служить поговорки: «Царь воды не уймет», «Разве царь не мужчина, а царица не женщина?»* [10].

Долгое время восприятие российских императоров в украинской крестьянской среде носило ситуативный характер. Реакцией на ухудшение уровня жизни украинского села в царствование Николая I стала поговорка: «При царице (Екатерине II – В.С.) – ели паляницы, а при царе не поедим и сухарей». Иногда объектами незлобного народного юмора становились символы официальной имперской культуры. Так, орел с венком, увенчивающий Памятник Славы в Полтаве у одного из местных крестьян вызвал совершенно не героическую ассоциацию – ворона, которая ест бублик.

Распространение антимонархических настроений в украинском социуме связано с творчеством Тараса Шевченко. Если фольклорные образы недругов Украины имели низкий уровень персонификации (ляхи, москали, турки и т.д.) и даже Екатерина II, давшая приказ о разрушении Запорожской Сечи величалась «матерью», то для Кобзаря воплощением зла являлись вполне конкретные российские императоры.

В одной только поэме «Сон» (1844) можно найти образы наиболее одиозных, с точки зрения Т.Г.Шевченко, российских царей. Так, возле «Медного всадника» он вспоминает «палачей-людоедов»: «сумасшедшего» Петра I («тот Первый, который распинал нашу Украину») и «голодную волчицу» Екатерину II («А Вторая, доконала вдову, сиротину...»). Не обходит своим вниманием Тарас Григорьевич и царствующих на тот момент особ: Николая I (пьяный, сердитый «фельдфебель-царь») и Александру Федоровну («как опенок засушенный»). Не ожидая ответа на свой вопрос: «О люди, люди! На что сдались вам цари? На что сдались вам псари? Ведь вы же люди, не собаки!», поэт верит, что когда-нибудь «люди тихо... царя к палачу поведут» [11].

Радикальный антимонархизм Т.Г.Шевченко поддерживался сравнительно незначительной частью населения. В то же время его творчество имело исключительное влияние на формирование украинской национальной интеллигенции, не признающей официальной концепции «трех русских народностей». Уже после смерти Кобзаря в галерее российских императоров-врагов Украины появился Александр II – за законодательные ограничения в употреблении украинского языка. Что же касается двух последних самодержцев, то негативных персональных коннотаций в среде украинской национально-сознательной интеллигенции они не имели: их не любили только за то, что они русские цари.

Активная просветительская работа среди крестьянства, в том числе и по популяризации произведений Т.Г.Шевченко, в конце XIX – нач. XX в. не всегда давала желаемые результаты. Представители национальной интеллигенции объясняли подобную ситуацию мистическим мировоззрением простого народа, не готового воспринимать рационализм Кобзаря. В 1906 г. национально-демократическая пресса с сожалением отмечала низкую степень поддержки идеалов Шевченко в украинском обществе [12]. Среди основных причин «летаргического сна» нации назывались ее русификация посредством системы образования и идеологическая «имперская» обработка православной церковью.

Революционные события 1905–1907 гг. совершили очередной ментальный сдвиг в сознании крестьян. Если буржуазные реформы сер. XIX в. закрепили де-юре за ними основные гражданские права, то первая русская революция трансформировала их восприятие верховной власти. В этот период заметно активизируется работа политических партий на селе; крестьяне обретают опыт парламентской деятельности, составляют указы в Государственную Думу с требованиями «земли и воли».

* Найти аналог данной украинской поговорке у В.И.Даля и в других источниках не удалось.

В представлении казачье-крестьянского населения «идеальный царь» – это рачительный хозяин, заботящийся о своей земле в мирное время и храбрый верховный вождь в час военных испытаний. Парадоксальным является тот факт, что в годы Первой мировой таким «идеальным правителем» для сельских обывателей стал воинственный кайзер Вильгельм II, в противовес «невзрачному» царю-неудачнику Николаю II. Крестьянское сознание поставило знак «плюс» там, где антигерманской пропагандой были запланированы «минусы»: многолетняя подготовка к войне, строительство кораблей, самолетов и подводных лодок.

Типичную для начала войны характеристику Николаю II дает один из героев повести А.С. Макаренко «Честь», действие которого происходит в рабочем предместье Кременчуга – Костроме. Семен Максимович, прообразом которого стал отец известного педагога, так реагирует на начало германской войны, до которой «жизнь и в городе и на Костроме отличалась спокойствием»: «На немцев кишка тонка, потому царь плохой. С таким царем нельзя на немцев. У их царь с каким усами, а наш на маляра Кустикова похож. Сидел бы уже тихо, нестуляка. Нестулякой называл Семен Максимович всякого неловкого, неудачливого человека.<...> Не годится наш царь для войны. Он за что ни возьмется, так и нагадит. С японцами воевал, нагадил, конституцию хотел сделать, тоже нагадил. Вот и маляр Кустиков такой» [13].

Подобные настроения циркулировали в рабоче-крестьянской среде в то время, когда в столицах и крупных городах отмечался «небывалый всплеск патриотизма и готовности вести войну до победного конца». Изложенные ниже факты дают возможность говорить о необходимости корректировки общих представлений о т.н. «настроении 1914 года», которое в провинциальных социумах Российской империи носило крайне противоречивый характер.

Первые десять лет правления Николая II заметно пошатнули авторитет династии и Церкви даже среди консервативно настроенного крестьянства. Актуальными аспектами в деятельности духовенства становятся возрождение верноподданнических настроений и воспитание молодежи в духе общеимперского патриотизма. Первая мировая поставила эти вопросы в иную плоскость: в условиях войны на кону стояла сама возможность победы над врагами.

Церковь с энтузиазмом восприняла возложенные на неё задачи. В этом отношении показательны «вступительные слова» священников, произносимые ими перед началом занятий в духовных школах и епархиальных училищах. В этих «словах»-проповедях подчёркивались особые, исключительные условия, в которых начинается новый учебный год, а недавно начавшаяся война позиционировалась «как великая идея лишения славянского мира от бедствий германизма». Восприятие войны именно в таком образе должно было служить залогом дальнейшей готовности учащихся к пожертвованиям.

За сравнительно короткий срок религиозно-патриотический подъем стал характерным явлением не только для столичной жизни: усилиями Церкви он был «экспортирован» и в провинциальное общество. На общем фоне данного явления можно отметить заметное повышение авторитета царской семьи. Следует отметить, что не последнюю роль в этом сыграли благотворительная деятельность императрицы и великих княжон.

Церковная жизнь Полтавщины первых месяцев войны – это череда общественных богослужений, патриотических проповедей и крестных ходов, эпицентром которых являлся губернский центр. Уже 20 июля 1914 во время ежегодного крестного хода с иконой Горбаневской Божьей Матери епископ Полтавский и Переяславский Феофан совершил первый молебен о победе над врагами. В дальнейшем подобные молебны добавляются к ежедневным богослужениям во всех полтавских церквях.

22 июля 1914 г., в день тезоименитства императрицы Марии Федоровны, после торжественного архиерейского богослужения и молебна с участием епископов Феофана и Сильвестра (викарный епископ Прилукский – В.С.) ключником Полтавского Кафедрального Собора был зачитан Манифест о войне с Германией. После этого традиционный крестный ход на Соборной площади Полтавы закончился «напутственным словом епископа Феофана воинам, идущим на ратный подвиг», благословившего святыми иконами войска Полтавского гарнизона и окропившего святой водой полковые знамена.

Хроника первых месяцев войны отмечала, что 29 июля 1914 г. на Сенной площади Полтавы епископ Феофан, в присутствии соборного и городского духовенства, совершил

молебен и благословение перед отправлением на фронт полков второй очереди. Общегородской молебен о даровании победы над врагом, состоявшийся в Полтаве 10 августа на площади около Свято-Троицкой церкви, завершился крестным ходом [14].

Кроме того, «Полтавские епархиальные ведомости» (далее – «ПЕВ») отмечали особое торжество, с которым прошли молебны о даровании победы Русской армии над врагом в местечке Старые Санжары (04.08.1914) и с. Лукашовке Золотоношского уезда (08.09.1914) [15].

На страницах все тех же «ПЕВ» была размещена достаточно меткая характеристика состояния общества в первые месяцы войны: «Смолкли интриги и раздоры и партий, вроде бы не стало. Все направили свои взгляды в тучу, которая грядёт». Это утверждение перестаёт казаться пропагандистским штампом при изучении биографий лиц, произносивших верноподданнические речи на религиозно-патриотических мероприятиях в начале войны.

Примером тому может служить гласный Полтавской уездной управы Я.Н. Стеньки, произнесший на торжественном молебне о даровании победы русскому воинству в Старых Санжарах 4 августа 1914 г. такие слова: «В эту тяжкую годину весь русский народ заявил своему Царю Батюшке, что он готов положить душу свою и достояние за веру, Царя и Отечество...» [15]. Незадолго до этого события Я.Н. Стенька был отнесён полицейскими властями к разряду крайне «неблагонадежных», с политической точки зрения граждан, и характеризовался как «малороссийский националист», «сеявший в народе смуту с лета 1905 до лета 1910 года» [16].

20 октября 1914 по инициативе учащихся Полтавского духовного училища в губернском центре состоялась патриотическая манифестация, посвященная двадцатой годовщины со дня смерти Александра III. Процессия прошла при участии воспитанников гимназии имени Александра I, женской Мариинской гимназии, и реального училища. Возле памятника Славы тысячная манифестация с имперскими флагами, портретами Николая II и царской семьи пела гимн, многолетия и кричала «Ура». Патриотические речи перед собравшимися учащимися произнесли преподаватели семинарии В. Ф. Харьков и Духовного училища Л. А. Сенявин [17].

Своеобразным апофеозом в череде патриотических мероприятий и общественных богослужений, характерных для первого этапа войны, стал визит в губернский центр Николая II, состоявшийся 28 января 1915 г. У вагона поезда император, посещавший Полтаву третий раз за одиннадцать лет, принял рапорт губернатора Багговута А.К. и начальника гарнизона генерал-майора Страховского. На торжественной встрече прозвучали приветственные слова губернского предводителя дворянства Герценвица М.И. и Председателя Губернской Земской Управы Сологуба Ф.А.. По пути следования царского кортежа были расставлены войска и ученики Полтавских учебных заведений.

После службы в Кафедральном соборе епископ Феофан доложил императору о пожертвовании Полтавским казаком Я. Огнивенко 95 десятин земли в Ялтинском уезде, для строительства лазарета и приюта-школы для детей-сирот войны. Николай II посетил «Лазарет имени казаков и крестьян», где получил от уполномоченного от крестьян 10000 руб., собранных населением Полтавской губернии «на нужды войны». После посещения лазаретов, размещенных в дворянском собрании и кадетском корпусе, император принял от Председателя Правления Земельного банка С. С. Хрулева чек на 50000 руб. (на военные нужды) и отбыл со станции «Полтава» [18].

Украинская поговорка «И царя за глаза ругают» материализуется в наиболее репрезентативных источниках – делах крестьян, обвинявшихся в оскорблении императорской фамилии. По подсчетам Колоницкого Б.И. перед Первой мировой именно эти дела давали наибольшее количество государственных преступлений. Им же была проведена классификация данных преступлений: случайные – немотивированные оскорбления, связанные с особенностью речи простого народа; «карнавальные» – оскорбления в пьяном виде при девиантном поведении; оскорбления, связанные с конфликтами на селе; мотивированные религиозные оскорбления; политические оскорбления [19].

Еще одна «царская» поговорка «Ты мне не «тыкай» – меня царь пуговицами утыкал» служит примером отношения украинцев к государственной и военной службе. Именно к особе императора, как к высшему союзнику и авторитету часто взывала одна из

конфликтующих сторон в сельских спорах. Не редко за этим следовали брань оппонента в адрес императора и соответствующее заявление об оскорблении «Его Величества», что дает возможность относить значительную часть подобных апелляций к умелыми провокациями.

Так, в марте 1914 г. подобная перепалка произошла в Кохновском волостном управлении Кременчугского уезда, где повздорили два местных казака. На аргумент казака Недбайло: «За что ты меня ругаешь, я семь лет прослужил Государю и имею от него аттестат!» казак Штепа ответил: «Ну тебя к (брань) с твоим аттестатом и с Государем!». Все происходило в присутствии семи свидетелей, о чем в своем заявлении указал Кохновский сельский староста Д.М. Воля [20].

С началом войны возрастает количество «политических» оскорблений императора, его супруги и матери; в полтавских селах звучат речи о «низвержении царской власти и установлении выборных начал правления». Популяризация изображений императора (плакаты, журналы, календари и т.д.) приводит к участвовавшим случаям их оскорблениям во время сельских конфликтов. Так, казак с. Шабельники Золотоношского уезда Д.Куц во время ссоры с крестьянкой М. Дедаш, указав на календарь с изображением портрета императора, сказал: «Пойди и выпачкайся на него» [21].

Источниками формирования негативного восприятия Николая II становятся газетные сообщения о положении на фронтах, слухи, личные впечатления, письма солдат, рассказы очевидцев тех или иных событий.

В начале августа 1914 г. отставной учитель Полтавской духовной семинарии И.И. Полонский отослал на императорское имя «письмо возмутительного содержания» [22], а А.И. Кулинич высказывал мысли: «От царя пошла собачья кровь...», «Царя-собаку надо искоренить» [23]. В официальных донесениях оба случая объясняются обострением душевных болезней.

В разгар шпиономании и поисков «внутреннего врага» основными источниками формирования негативного отношения к войне и пораженческих настроений считались подданные Центральных держав и евреи. Так, в самом начале войны был арестован германский подданный Ф.Гутяр, проводивший беседы с крестьянами с. Кегичевки Константиноградского уезда об их бедственном имущественном положении и о бесперспективности войны с Германией. Для наглядности на карту России господин Гутяр наносил расположения крепостей и войск, а сами «политинформации» сопровождалась экспрессивными выражениями: «Хороша сволочь и Россия!», «Дура Англия: что она возьмет с России за свою дружбу?» [24].

К сожалению, сегодня трудно оценить степень влияния подобных «бесед» на распространение среди крестьян пораженческих и германофильских настроений, имевших место уже в начале войны, во время успешного наступления русских войск в Галиции.

В августе 1914 г. учительница Т. Ковтюхова, собиравшая пожертвования на нужды семей нижних чинов, призванных в армию, обратилась к крестьянину с. Холодное Плесо Константиноградского уезда Г.Коломыйцу с просьбой сделать благотворительный взнос. На вопрос Коломыйца «Куда пойдут данные средства?» последовал ответ учительницы: «По своему назначению, они необходимы для облегчения государства». Далее из уст простого крестьянина последовали оценка текущей политической ситуации и прогноз на ближайшее будущее: «Лучше будет, если немцы побьют нас, тогда порядки будут гораздо лучше и жизнь улучшится, а теперь порядки плохие, так как государством управляют воры и мошенники, которые нагружают непосильными налогами... Когда война закончится, то царя не будет, **его все равно убьют...**» [25].

Уникальные в своем роде слухи возникали как продукт синтеза личных впечатлений от происходящих событий и самых нелепых домыслов. В начале августа 1914 г. казак Л.И. Бутенко, проживавший в с. Пирки Зеньковского уезда, узнав, что сын казака Ф.Ф. Ковшика Василий призван на службу, защищать «Царя и Отечество» разразился «матерщиной бранью по адресу Государя». После ругани последовали слова: «Зачем его защищать, то дураки, кто защищает его вместе с Россией! Не далее 15 августа в Пирки явятся австрийцы и будут всех казнить и разбивать. Австрийцы разобьют село и разгромят Россию». После этого он ругал существующие порядки, рассказывал об огромном количестве раненых, которых видел в Полтаве и том, что богатые мужики не посылают своих сыновей в армию. Источником информации о скором разгроме России Бутенко

называл письма односельчанина, который дезертировал из 11 Драгунского Рижского полка в Австрию еще в 1912 г. [26].

Если прибытие австрийцев в Зеньковский уезд 15.08.1914 г. было плодом воображения казака Бутенко, то пренебрежительное отношение к военной службе и желание уклониться от нее любым способом часто фиксировалось в жандармских донесениях. В марте 1915 г. казак х. Козулинского Хорольского уезда А.З. Козуля публично заявил «То дураки, кто идет на службу. Я не пойду, и мои дети не пойдут. Пустяки: соли в уши насыпать и из ушей пойдет слизь, а доктора признают, что это золотуха» [27].

Жители х. Кобеличковки Полтавского уезда М. Дрюх и А. Собакарь с целью уклониться от военной службы принимали лекарства, от которого на теле открывались раны, что после неоднократных медицинских освидетельствований давало им право на трехмесячную отсрочку [28].

Призванный по мобилизации 08.09.1915 г. ратник 2-го разряда И.Г. Зеркало был «уволен по болезни до 22.03.1916 г.» после трех месяцев службы в 216 пехотном запасном батальоне в г. Козлове. Его отец – владелец 78 десятин земли несколько раз ездил к сыну в часть, обещая знакомым в ближайшую поездку привезти его домой. Перед этими поездками он продавал значительное количество пшеницы и сена, что в совокупности с внешним здоровым видом ратника Зеркало вызывало недоумение у соседей [29].

Своеобразным феноменом дел по оскорблению императора является наличие во многих из них «еврейского следа» – еврея, критиковавшего вместе с украинским крестьянином русские порядки либо еврея-хозяина лавки или корчмы, в которой было совершено преступление. Следует полагать, что наличие подобного «следа», в представлении заявителей, должно было стать убедительным аргументом, подтверждающим подлинность обвинений.

В декабре 1914 г. кременчужанин-еврей М.Славинский «распространял тревожные слухи о поражении русской армии от германцев в присутствии нижних чинов и посторонних лиц», «порицал правительство, критиковал его действия и восхвалял германский образ правления» [30].

С 1915 г. новым источником информации о войне становятся беженцы и военнопленные. По агентурным данным Полтавского губернского жандармского управления в 1916 г. военнопленные, проживавшие в крестьянских семьях Кременчугского уезда «поднимают доверие к победоносному наступлению (Брусиловскому прорыву – В.С.)» и заявляют о том, что все губернии до Днепра вскоре отойдут к Австрии [31].

В начале 1916 г. жители села Первозвановки Полтавского уезда Гершко Богуславский, С.З. Руденко и секретарь волостного суда А. Мирко «распространяли слухи о скорой победе Германии и переходе Полтавщины в подданство кайзера, которое избавит крестьян от «русского режима» и улучшит их положение. Неизбежность победы Германии подтверждалась фразой «Голодраная Россия немцев не побьет» [32].

Особым предметом претензий к Николаю II было введение винной монополии. Во время разговора в лавке еврея Гольтмана о войне крестьянин с. Крестище Константиноградского уезда В.И. Демяник отмечал: «Наш царь до войны только мыл бутылки для винной монополии и допускал пьянство, а Вильгельм готовил армию и снаряды. Если бы нас забрала Германия, то нам бы было хорошо, не как сейчас» [33].

Предвоенная налоговая политика Николая II и отсутствие порядка в стране вызывает критику не только в лагере «пораженцев». В конце лета 1914 г., во время молотбы казак х. Демченковского С. Мордич заявил: «У Государя нашего нет порядка, налоги понакладал на землю, деньги есть и начал воевать» [34].

Военные неудачи и общая социальная усталость приводили население губернии к различным умозаключениям. Крестьянин с. Иордановки Гадячского уезда С. Бондаренко считал: «Эта война не от Бога, а от людей и от черта. Черт выдумал эту войну. Во всем виноват Генеральный штаб» [35].

Подобные мысли, облаченные в иные словесные формы, были близки и представителям иных социальных групп. Начальник депо станции Лубны Балабай считал что: «Большим государством не может управлять один человек, большой государь, над которым имеют власть придворные, особенно немец Фредерикс... Война идет между императорами, а не между народами: исчезнут императоры – исчезнут и конфликты» [36].

Большую роль в поддержании авторитета самодержавной власти и лично Николая II среди своей паствы сыграл Архипастырь Полтавской епархии – Преосвященный Феофан (Быстров). Бывший духовник императора, он был одним из тех, благодаря кому императорская фамилия познакомилась с Г. Распутиным: именно это знакомство стало позднее причиной отдаления Феофана от двора.

В последний предреволюционный год попытки Церкви посредством проповеди на богослужениях изменить отношение к императору редко давали желаемые результаты. Гласом вопиющего в пустыни стали слова поучения, произнесённые на архиерейском богослужении 06.05.1916 в День рождения Николая II. Епископ Полтавский и Переяславский взывал к необходимости выполнения долга: гражданского и христианского, под которыми подразумевались оказание постоянной помощи императору в его государственном и военном служении. В данном поучении, напечатанном в «ПЕВ», император предстаёт «державным Вождем христоролюбивого воинства», сердце которого наполнено скорбью и тревогой за Родину. «Сколько скорбей, сколько мучительных тревог и волнений за страждущую родину принимает ныне сердце царское», – восклицает епископ Феофан [37].

По иному оценивает образ императора в 1916 г. простая женщина-солдатка. Для нее Николай II не только бездарный «хозяин земли Русской», он, прежде всего, бессердечный человек и лжец. Казачка хутора Ковалевка Кременчугского уезда М.Поцыбай выколол глаза, изображенным на плакате императору и цесаревичу воскликнула: «Как бы его, сукина сына, наследника убили, то его сердце бы болело, а как убивают наших мужей, то для него ничего не значит» [38].

В преддверии празднования 20-тилетия коронации Николая II (13.05.1916 г.) крестьянка с. Войтовец Пирятинского уезда высказала такую мысль: «Если бы Государя покороновать колком из-за угла за то, что забрал наших мужей, а земли не дал» [39].

Заключение.

Перед началом Первой мировой войны формирование образа правящего монарха у крестьянства Полтавщины происходило под воздействием:

- народной традиции;
- пропаганды различных партий и движений (в том числе и национальных);
- официальной идеологии, ретранслируемой через центральные газеты, учебные заведения и церковь;
- личных коммуникативно-визуальных практик (общение с «учеными» людьми, приезды Николая II на Полтавщину, портреты царя и кинохроники и т.д.).

В предвоенный период Николай II воспринимался сквозь призму наиболее неудачных аспектов его царствования: поражения в русско-японской войне, «Кровавого воскресенья», роспуск двух Государственных Дум, налоговой политики и введение винной монополии.

Начало Первой мировой войны было воспринято населением Полтавщины неоднозначно: патриотические манифестации в губернском центре и Кременчуге сочетались с тревожными ожиданиями крестьянской массы. Несмотря на низкий уровень национального сознания украинских крестьян, война вызывала критику «русских порядков» и определенные германфильские настроения. «Горизонт ожиданий» украинского крестьянства касаясь послевоенного устройства жизни включал в себя широкий спектр: от передела помещичьих земель до убийства царя и перехода в германское подданство.

Отрицательные тенденции в восприятии царя усугубляются военными неудачами, экономическими и социальными катаклизмами. Уже на первоначальном этапе войны император предстает как безвольный правитель, находящийся под влиянием «немцев», не подготовивший страну к войне. Великое отступление 1915 г., возрастающее количество убитых и раненых только укрепляют данное убеждение. «Женский взгляд» на Николая II был более радикален: он и жестокий человек, который гонит мужей на верную смерть, и лжец, обманувший крестьян в земельном вопросе.

Таким образом, Николай II не соответствовал крестьянскому представлению об «идеальном царе» еще до начала Первой мировой. Война же не просто усугубила это негативное восприятие – она привела к десакрализации царской власти и ее последующей

ликвидации. Со второй половины 1916 кризисные явления в обществе набирают критическую массу, делая данный процесс необратимым. Несмотря на это, Церковь не переставала призывать паству вернуться к Богу, напоминая и о давно забытых идеалах родства народа с Престолом. Но эти призывы оказались тщетными: революционная буря окончательно девальвировала образ царей – «радетелей земли Русской» в сознании провинциального социума.

Примечания:

1. Реєнт О. П., Янишин Б. М.. Україна в період Першої світової війни: історіографічний аналіз // УІЖ. 2004. № 4. С.3-35.
2. Поршнева Ольга Сергеевна. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914–1918 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. Екатеринбург, 2000. 359 с.
3. Сенявская Е. С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С.7-16.
4. Черкасов А. А. Национальные меньшинства Российской империи в годы Первой мировой войны: некоторые аспекты // Былые годы. 2009. № 4. С. 20-27.
5. Уортман Р. Николай Второй и образ самодержавия // История СССР. 1991. № 2. С. 122-123.
6. Морозова О.М. «Сакральный царь», убивший Николая? // Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2125&level1=main&level2=articles>
7. Государственный архив Полтавской области (далее – ГАПО), Ф.83. Оп.1. Д.144. Л.37.
8. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне / Н. Н. Головин. – М.: Вече, 2006. – С. 199-201.
9. Обзор Полтавской губернии за 1914 год. – Полтава: Типография Губернского правления, 1916.
10. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Уклад М. Номіс / Упоряд., приміт і вступ. ст. М. М.Пазяка. К.: Либідь, 1993. 768 с.
11. Тарас Шевченко. Зібрання творів: У 6 т. К., 2003. Т. 1: Поезія 1837-1847. С. 265-278.; Тарас Шевченко. Зібрання творів: У 6 т. К., 2003. Т. 2: Поезія 1847-1861. С. 361, 363.
12. Грінченко Б. Шевченків «Кобзарь» на селі // Нова громада. 1906. № 2. С. 7-29.
13. Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т. 2 / Сост. М.Д. Виноградова, А. А. Фролов. М.: Педагогика, 1983. С. 309.
14. «Полтавские епархиальные ведомости». 1914. – № 33. С. 1779-1781.
15. «Полтавские епархиальные ведомости». 1914. – № 41. С. 2182-2187.
16. ГАПО, Ф.83. Оп.1. Д.134. Л.3.
17. «Полтавские епархиальные ведомости». 1914. № 46. С. 2551-2553.
18. «Полтавские епархиальные ведомости». 1915. № 4. С. 318-325.
19. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: НЛО, 2010. С.44-46.
20. ГАПО, Ф.138. Оп.1. Д.546. Л.4.
21. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев (далее – ЦГИА Украины), Ф.320. Оп.1. Д.1550. Л.13.
22. ЦГИА Украины, Ф.320. Оп.1. Д.1369. Л.2.
23. ЦГИА Украины, Ф.320. Оп.1. Д.1354. Л.2.
24. ГАПО, Ф.138. Оп.1. Д.546. Л.8-9.
25. ГАПО, Ф.138. Оп.1. Д.546. Л.18-19 об.
26. ГАПО, Ф.138. Оп.1. Д.552. Л.5.
27. ГАПО, Ф.138. Оп.1. Д.576. Л.2.
28. ЦГИА Украины, Ф.321. Оп.1. Д.220. Л.178.
29. ЦГИА Украины, Ф.321. Оп.1. Д.224. Л.52.
30. ГАПО, Ф.138. Оп.1. Д.546. Л.33.
31. ЦГИА Украины, Ф.321. Оп.1. Д.220. Л.73.
32. ЦГИА Украины, Ф.320. Оп.1. Д.1542. Л.3-5.
33. ЦГИА Украины, Ф.320. Оп.1. Д.1551. Л.2-7.

34. ГАПО, Ф.138. Оп.1. Д.546. Л.32.
35. ЦГИА Украины, Ф.320. Оп.1. Д.1544. Л.3-5.
36. ЦГИА Украины, Ф.320. Оп.1. Д.1540. Л.2-10.
37. «Полтавские епархиальные ведомости». 1916. № 10. С. 771-775.
38. ЦГИА Украины, Ф.320. Оп.1. Д.1552. Л.2 об.
39. ЦГИА Украины, Ф.320. Оп.1. Д.1553. Л.3-5.

References:

1. Reent O. P., Janishin B. M. Ukraina v period Pershoi svitovoi vijni: istoriografichnij analiz // UIZh. – 2004. – № 4. – S.3-35.
2. Porshneva Ol'ga Sergeevna. Mentalitet i social'noe povedenie rabochih, krest'jan i soldat Rossii v period Pervoj mirovoj vojny, 1914-1918 gg. : dissertacija ... doktora istoricheskikh nauk : 07.00.02.- Ekaterinburg, 2000. – 359 s.
3. Senjavskaja E. S. Chelovek na vojne: opyt istoriko-psihologicheskoy harakteristiki rossijskogo kombatanta // Otechestvennaja istorija. – 1995. – № 3. S.7-16.
4. Cherkasov A. A. Nacional'nye men'shinstva Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny: nekotorye aspekty // Bylye gody. – 2009. – № 4. – S.20-27.
5. Uortman R. Nikolaj Vtoroj i obraz samodержavija // Istoriya SSSR. – 1991. – № 2. – S.122-123.
6. Morozova O.M. «Sakral'nyj car'», ubivshij Nikolaja? // Rezhim dostupa: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2125&level1=main&level2=articles>
7. Gosudarstvennyj arhiv Poltavskoj oblasti (dalee – GAPO), F.83. Op.1. D.144. L.37
8. Golovin N. N. Rossiya v Pervoj mirovoj vojne / N. N. Golovin. – M.: Veche, 2006. – S. 199-201.
9. Obzor Poltavskoj gubernii za 1914 god. – Poltava: Tipografija Gubernskogo pravlenija, 1916.
10. Ukrains'ki prikazki, prisliv'ja i take inshe. Uklav M. Nomis / Uporjad., primit i vstup. st. M. M. Pazjaka. – K.: Libid', 1993. – 768 s.
11. Taras Shevchenko. Zibrannja tvoriv: U 6 t. – K., 2003. – T. 1: Poezija 1837-1847. – S. 265-278.; Taras Shevchenko. Zibrannja tvoriv: U 6 t. – K., 2003. – T. 2: Poezija 1847-1861. – S. 361, 363.
12. Grinchenko B. Shevchenkiv «Kobzar'» na seli // Nova gromada. – 1906. – № 2. – S. 7-29.
13. Makarenko A. S. Pedagogicheskie sochinenija: V 8-mi t. T. 2 / Sost. M. D. Vinogradova, A. A. Frolov. – M.: Pedagogika, 1983. – S.309.
14. «Poltavskie eparhial'nye vedomosti» – 1914. – № 33. – S.1779-1781.
15. «Poltavskie eparhial'nye vedomosti» – 1914. – № 41. – S.2182-2187.
16. GAPO, F.83. Op.1. D.134. L.3.
17. «Poltavskie eparhial'nye vedomosti» – 1914. – № 46. – S.2551-2553.
18. «Poltavskie eparhial'nye vedomosti» – 1915. – № 4. – S. 318-325.19. Kolonickij B. «Tragicheskaja jerotika»: Obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny. – M.: NLO, 2010. – S.44-46.
20. GAPO, F.138. Op.1. D.546. L.4.
21. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Ukrainy, g. Kiev (dalee – CGIA Ukrainy), F.320. Op.1. D.1550. L.13.
22. CGIA Ukrainy, F.320. Op.1. D.1369. L.2.
23. CGIA Ukrainy, F.320. Op.1. D.1354. L.2.
24. GAPO, F.138. Op.1. D.546. L.8-9.
25. GAPO, F.138. Op.1. D.546. L.18-19 ob.
26. GAPO, F.138. Op.1. D.552. L.5.
27. GAPO, F.138. Op.1. D.576. L.2.
28. CGIA Ukrainy, F.321. Op.1. D.220. L.178.
29. CGIA Ukrainy, F.321. Op.1. D.224. L.52.
30. GAPO, F.138. Op.1. D.546. L.33.
31. CGIA Ukrainy, F.321. Op.1. D.220. L.73.
32. CGIA Ukrainy, F.320. Op.1. D.1542. L.3-5.

33. CGIA Ukrainy, F.320. Op.1. D.1551. L.2-7.
34. GAPO, F.138. Op.1. D.546. L.32.
35. CGIA Ukrainy, F.320. Op.1. D.1544. L.3-5.
36. CGIA Ukrainy, F.320. Op.1. D.1540. L.2-10.
37. «Poltavskie eparhial'nye vedomosti» – 1916. – № 10. – S. 771-775.
38. CGIA Ukrainy, F.320. Op.1. D.1552. L.2 ob.
39. CGIA Ukrainy, F.320. Op.1. D.1553. L.3-5.

УДК 355.018(477.53): 94 «1914/18»

Восприятие образа Николая II украинским крестьянством в период Первой мировой войны (по материалам Полтавской губернии)

Виктор Иванович Саранча

Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Украина
39600, г. Кременчуг, ул. Первомайская, 20
Аспирант
E-mail: visar73@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности восприятия образа последнего российского императора украинским крестьянством во время Первой мировой войны. Особое внимание уделено таким аспектам «военного сознания» как: восприятие образа врага, отношение к войне и службе в армии, интерпретация причин войны и ее возможных последствий.

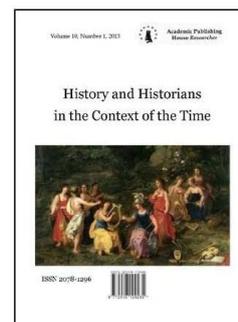
Ключевые слова: император; Николай II; Первая мировая война; крестьянство; Полтавская губерния.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2014.
ISSN: 2078-1296
Vol. 12, No. 1, pp. 48-54, 2014

DOI: 10.13187/issn.2078-1296
www.ejournal3.com

UDC 94(470) «1931/1939»:81-1

“Declarations of Emotional Independence” in Soviet Poetry in the 1930s: A Historical-Sociological Analysis *

Irina G. Tazhidinova

Kuban State University, Russian Federation
Kuban Naberezhnaya street, 4. Krasnodar city, 350063
PhD (History)
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Abstract. The turn to the cultural-anthropological dimension of the past leads to re-evaluation of the significance of literature as a historical source. The article brings to light the potential of lyric poetry for the study of the emotions of the man of the 1930s and the history of the Soviet everyday. The work analyzes the verses of young poets (P. Kogan, N. Mayorov, and N. Ovsyannikov), which can be treated as “declarations of emotional independence”. In them, the authors declaim against hypocrisy and asexuality, which were being cultivated in Soviet society, and advocate for freedom of expressing emotions – above all, love feelings.

Keywords: historical anthropology, history of emotions, the Soviet everyday, poets in the 1930s, personal independence, love, freedom of expressing one’s emotions, external and internal censorship, hypocrisy, asexuality.

Введение.

Произведения художественной литературы, прежде использовавшиеся историками и социологами в качестве эмпирического материала редко и иллюстративно, в современных исследованиях фигурируют не в пример чаще, анализируются глубже [1]. Переоценка их значения связана с поворотом к культурно-антропологическому измерению прошлого и признанием того, что существуют темы, которые не могут быть достаточно полно раскрыты без обращения к художественным текстам. Тема интимных переживаний человека сталинской эпохи тяготеет к такого рода разработке в числе первых, ибо тем самым создаются новые возможности понимания этого сложного периода советской истории и жизни человека внутри него. В частности, историко-социологический анализ поэзии предвоенного десятилетия содержит огромный потенциал для исследования эмоциональной сферы советского общества, различных аспектов истории советской повседневности. С одной стороны, доступен объемный пласт лирической поэзии, занимавшей доминантные, в высшей степени прочные позиции, поскольку, в соответствии с идеологией советского государства и при его непосредственной поддержке (публикации, премии и пр.), его представителями транслировались в массы однозначные, до миллиметра выверенные стандарты поведения. С другой стороны, если и не особняком, то несколько в

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00239а «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920-1930-х гг. в ракурсе культурной истории эмоций».

стороне держались авторы, умеренно полемически отстранявшиеся от «столбовой дороги», нащупывавшие свой индивидуальный (нестандартный для рассматриваемого времени) путь к читателю. Примечательно, что поэтами из этого ряда в 1930-е гг. создавались произведения, которые могут расцениваться как своего рода «декларации эмоциональной независимости». Потребность специально провозглашать свободу эмоций, очевидно, вытекала из условий существования в сталинском СССР, вполне типичных для большинства населения продвигавшегося к «социальной однородности» общества. Проанализировав формы поэтического выражения данной потребности, мы, с большой степенью вероятности, приблизимся к пониманию душевных коллизий, которые довелось пережить советским людям в один из самых тяжелых периодов истории страны в XX веке.

Обсуждение.

Вообще проблемы литературной эволюции обозначились еще на рубеже 1920–1930-х гг., что в полной мере коснулось выражения интимной проблематики в советской поэзии. Предвоенное десятилетие стало временем ее притеснения и вытеснения. Если говорить о лирической поэзии, то самой серьезной потерей этого десятилетия стал отказ от отображения личностной сущности любви. Поскольку внимание к личному пространству противоречило эстетике большого стиля, а поиски любви или устройство личной жизни не являлись двигателями сюжета в культуре соцреализма, постольку подобного рода категории и мотивации «вытаскивались» и из поэзии. В 1930-е гг. советская лирика уступила еще не так давно числившееся за ней жанровое первенство прозе и продемонстрировала тенденцию к песенности. Как раз в песенном творчестве ее потери видны наиболее рельефно. По заключению Наума Коржавина, мажорные песни сталинской эпохи положили начало «традиции безличной лирической песни», даже целому жанру «песен не про свою любовь». В этом смысле интересными представляются размышления Коржавина о сущности знаменитой песни «Сердце», исполненной Леонидом Утесовым в фильме Г. Александрова «Веселые ребята» (1934 г.). Напомним строки припева этой песни:

Сердце, тебе не хочется покоя!

Сердце, как хорошо на свете жить!

Сердце, как хорошо, что ты такое!..

Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить!

Выявляя то «доличностное или внеличностное представление о любви», которое заложено в песне «Сердце», Коржавин видит в ней одно из тех «защитных прагматических мероприятий власти, препятствующих пониманию реальности», которые постепенно сложились в «гигантскую кампанию по инфантилизации населения». Глобальная задача такого рода песен определялась ситуацией начала 1930-х гг., когда «ложное положение режима не прекратилось, а только усугубилось с завершением коллективизации и первой пятилетки. Нужда создавать в сознании подданных мир, отличный от реального, не отпадала, а нарастала. И песни из этого фильма не только продолжали выполнять эту задачу, но стали образцом для создания целого безличного вида искусства, безразлично, гражданских или лирических тем оно касалось». Так рождалась традиция безличной лирической песни. Коржавин даже выделяет в ней специфический жанр – «песни не про свою любовь». Но, и в целом, из лирики изымаются индивидуальное чувство, «откровение», катарсис подменяется имитацией духовной деятельности. Власть же выступает в своей разрешительной ипостаси. Коржавин в горько-ироничной манере восстанавливает извращенную логику маневра и его печальные последствия: «...любить-то ведь и в самом деле хорошо. Что поделать, если сердце настолько неугомонно – хочет этого. Даже власть уступает, понимает – вон как поют с экрана! Хорошая все-таки власть, своя. Отвлеклась от таких важных дел и – поняла: разрешила человеку его маленькое счастье. В благодарность забывалось, что табу на это маленькое счастье накладывала она же. И больше – что оно не маленькое. И не должно быть маленьким, поскольку у каждого оно, как жизнь, – одно. Забывалось. Такова сила казенного искусства» [2].

Другое серьезное изменение состояло в исчезновении из поэзии эротики. Если обстановка в России 1920-х гг. характеризовалась временным ослаблением культурных табу (как последствием сексуальной революции), что стимулировало творческое воображение поэтов и предопределило эротическую насыщенность поэзии, то к началу 1940-х гг. эта

линия оскудела и практически сошла на нет. В качестве примера эволюционных изменений можно привести содержательное различие двух специальных антологий на авиационные темы, появившихся в СССР с шестнадцатилетним промежутком – в 1923 г. и 1939 г. Юрий Левинг, исследовавший трансформации так называемого «авиационного текста» в советской поэзии от 1920-х гг. к 1930-м гг., обратил внимание на замену сильнейшего эротического заряда, характерного для первого сборника («Лёт»), доминантой сдержанной асексуальности авиационных текстов второго («Сталинские соколы»).

Дело в том, что тема авиации и полета, связанная с идеей покорения пространства (небесного и земного), и, таким образом, созвучная раннесоветской идее завоевания пролетариатом всего мира, вызывала у советских поэтов 1920-х гг. неизбежные маскулинные коннотации, мотивы завоевания женщины и обладания ею. На исходе 1930-х гг. использование данной парадигмы стало невозможным, как в силу цензурных ограничений, так и в связи со сменой норм художественной эстетики. Как отмечает Левинг, качественные перемены в советской военной авиации, формирование ее концепции нуждались в идеологической поддержке, которая ожидалась, в том числе, и со стороны искусства. Кроме того, в середине предвоенного десятилетия обозначилась важнейшая веха в советской авиационной эмансипации (беспосадочный перелет из Москвы на Дальний Восток женского экипажа в составе В.С. Гризодубовой, П.Д. Осипенко и М.М. Расковой в 1938 г.). Итогом стало снятие латентной сексуализированности авиационной темы, когда «пилот с ярко выраженными маскулинными признаками постепенно исчезает из авиационных текстов, в них начинают доминировать сдержанная асексуальность и стремление к равенству полов». В общем, можно констатировать, что в поэзии, где гендерные признаки намеренно сглаживались, нивелировались, была дана установка на «другую» любовь – «любовь, которая превыше всех земных любовей, – к Родине-Матери» [3].

Рассматривая советскую лирику периода 1941–1945 гг., мы уже отмечали эту «замену», с неизбежностью закрепленную войной [4]. Пока же, на пороге войны, наиболее приемлемой формой выражения интимных переживаний для поэтов «средней руки» либо начинающих выступала та, что находилась в границах дозволенного. Попробуем обозначить ее дух как «терпимость к интимному». Суть этой формулы, если и не гарантирующей успех у читателей, то уж, по крайней мере, отвечавшей требованиям советской цензуры, заключалась, в частности, в неспецифическом преподнесении темы любви, когда она помещалась в ряд других, по определению, равнозначных эмоций.

Примером может служить абсолютно невинное стихотворение Всеволода Багрицкого (сына известного поэта Эдуарда Багрицкого) «Ты помнишь дачу и качели...», в котором чувство к женщине не выделяется в нечто особенное, а приравняется к иным: упоению природой, привязанности к матери.

<...> Не понимая, что влюбился
 Не в девушку, а в тишину,
 В цветок, который распустился,
 Встречая летнюю луну...
 Я был влюблен в печальный рокот
 Деревьев, скованных луной,
 В шум поезда неподалеку
 И в девушку, само собой [5].

Как видим, автор, которому было на тот момент девятнадцать лет, демонстрирует столь свойственную юношескому возрасту тотальную влюбленность во все, в том числе и в девушку. Пожалуй, в этом стихотворении представлена образцовая норма в преподнесении темы любви, так как игривость, фривольность, а тем более, страсть и эротика уже, мягко говоря, не приветствовались. Отсюда – та объяснимая странность, что наивные и осторожные стихи о любви появлялись не только у безусых юношей, но и у взрослых и даже зрелых мужчин-поэтов.

Отказ от изображения личностной сущности любви или эротической ее составляющей, вообще сильных индивидуально окрашенных эмоций имел разные «преломления». Одним поэтам он дался без особого труда, и тема эмоционального самовыражения в любви просто-напросто испарилась из их творчества; точнее, ее заменила гражданская лирика. Другие же

предпринимали (сознательно или неосознанно) некоторые маневры, которые должны были расчистить дорогу личному чувству, легитимировать его. Примечательно, что подобные маневры обнаруживаются у неординарных поэтов из числа молодых, чья биография в недалеком будущем трагично оборвется на фронтах Великой Отечественной войны. Одной из главных фигур этой плеяды был Павел Коган, чья «декларация эмоциональной независимости» оказалась самой ранней. Она «поступила» в 1934 г. от 16-летнего поэта и звучала так:

Я привык к моральям вечным.
 Вы болтаете сегодня
 о строительстве, конечно,
 об эпохе и о том, что
 оторвался я, отстал и...
 А скажите – вы ни разу
 яблоки не воровали?
 Вы швырялись камнями,
 падали, орали песни,
 матерились так, что жутко,
 и орали: «Колька, тресни!!»?
 Вы купались ли в апреле,
 вы любили ль ночью звезды,
 синий дым, снежок и галок,
 и морозный крепкий воздух?
 А когда вы стали старше,
 вы девчонок целовали?
 Или это не влезает
 в ваши нудные морали? <...> [6]

Стихотворение Павла Когана можно было бы принять за всплеск юношеского максимализма, если бы не тот социальный контекст («строительство», «эпоха»), в противостоянии которому отстаивает автор свое личное пространство, свое представление о счастье. Следует обратить внимание на высказывание от первого лица и жесткое противопоставление дважды прозвучавшего «я» многократно повторяемому «вы». Согласно канонизированному в рамках советской педагогики А. Макаренко (начиная с 1930-х гг., именно его труды составили каноническое ядро трудов по исследованию коллектива), коллектив как «целеустремленный комплекс личностей» является организованным и связанным воедино отношениями «ответственной зависимости» [7]. Покушение Когана на эту «зависимость» выразилось в том, что, обращаясь на «вы» якобы ко всем (к общности в целом), он в то же время дробит целостность на «личности», так как спрашивать о краже яблок или поцелуях можно только конкретных людей. Последнее важно в связи с обращением к двум другим стихотворениям-декларациям, появившимся уже на исходе 30-х гг. (предположительно, в 1938–1939 гг.). Их авторы активно использовали местоимение «мы», но, что характерно, не вполне последовательно; то отождествляя себя с этим «мы», то категорично отмежевываясь от него, поэты Николай Майоров и Николай Овсянников тонко балансировали на грани «самообвинения» и «обвинения», предъявлявшегося устоям современного им общества. Трудно сказать, была такая тактика преднамеренной или нет, но, похоже, она позволяла ускользать от обвинений в неприятии моральных основ жизни в советском социуме.

Вообще использование местоимения «мы» широко распространено в советской лирике 1930-х гг., что, между прочим, дает основание исследователям опознавать «Мы» как настоящего лирического героя предвоенного десятилетия [8]. Казалось бы, такую практику можно было бы рассматривать как творческую норму, так как, согласно извлеченному из толковых словарей значению личного местоимения «мы», оно может употребляться «...вместо “я” в обращении одного лица ко многим в авторской речи (Авторское “мы”» [9]. Однако «мы» в произведениях советских поэтов 30-х гг. употребляется в иных контекстах, и с учетом масштабов этого явления, а также исторических коллизий сталинской эпохи логичнее объяснить усиление присутствия соответствующей лексики и мотивов в поэтических текстах как прямое следствие торжества коллективизма в СССР предвоенных

лет. Также отметим, что, судя по стихотворениям Майорова и Овсянникова, данная практика могла применяться с необычной целью. А именно: весомое «Мы» буквально вытягивало на себе тему личного, частного, в том числе чувственного.

Наиболее ярким примером представляется стихотворение Николая Майорова (который, кстати, был автором знаменитого стихотворения «Мы») «Предчувствие» [10], где многократно, на всем его протяжении употребляется исключительно местоимение «мы», и, следуя контексту и логике, это позволяет считать, что автор отождествляет себя с современниками (советскими людьми образца 30-х гг.), выступающими обобщенным героем данного произведения. Однако критический пафос стихотворения настолько силен и лично окрашен, что заставляет усомниться в этой, казалось бы, безусловной принадлежности, а еще – в полной мере прочувствовать горькую авторскую иронию.

«Предчувствие» Майорова отражает глубоко личную позицию автора, хотя, безусловно, специфика коллективизма «по-советски» и наложила на нее неизгладимую печать. В результате употребление «мы» явилось той уловкой, которую подчеркнуто недипломатичный поэт (свидетельства такой позиции Майорова можно найти во многих его произведениях) интуитивно или намеренно применил для «выведения» критичного по отношению к официально санкционированной ситуации (унификация лирики, игнорирование в ней эротики, табуирование темы секса) стихотворения «в люди». Неприязнь поэта к быту, мещанскому уюту, несомненно, присутствующая в стихотворении, представляет собой лишь фон для основной линии, на которой фокусируется Майоров. Гораздо более выражены его претензии к асексуальности, культивируемой в советском обществе. В этом смысле пафос задается уже первой вопрошающей строкой стихотворения: «Неужто мы разучимся любить...» Следующие строки привлекают внимание к телесной составляющей любви: «И будем принимать за женщину мы шкаф / И обнимать его в бесполом безразличье». Ощущение вины перед последующими поколениями заставляет Майорова выдвигать прямые прогнозы-упреки: «Кастратами потомки назовут / стареющее наше поколень», «Нами был утрачен / Сан человеческий; что, скопцы...», «Нам это долго не простится, / И не один минует век, / Пока опять не народится / Забытый нами Человек». Даже демографическое пророчество «без жалости нас время истребит», видимо, предупреждает об этих предчувствуемых поэтом последствиях «бесполого безразличья». Таким образом, игнорирование значения телесного (телесной стороны отношений между полами), согласно Майорову, ведет к потере истинно человеческого и катастрофе в будущем.

Сходные с майоровскими мотивы находим в стихотворении Николая Овсянникова «Во славу твою» [11]. Стихотворение начинается сетованиями героя на собственную бесчувственность («Не кричим, не мечемся, не любим, / Сердце – камнем...»), которая, на самом деле, есть диагноз уже вполне устойчивой нерасположенности чувствовать, поразившей его современников (здесь используется «мы»). Однако далее стихотворение превращается в гимн достигнувшей героя страстной любви, которая, даже будучи несчастливой, лучше любви «вегетарианской». И здесь герой начинает говорить от своего лица. Им остро ощущается угроза внешнего вмешательства в отношения двоих («Никогда не перестану славить! / Пусть сомнут, сломают, раздробят...»). Но ценность отношений с героиней – вне конкуренции с чем бы то ни было, в том числе и с общественным. О такой расстановке приоритетов говорят как конкретные строки («Если скажешь песню обезглавить, / Песню обезглавлю для тебя»), так и сам выбор названия для стихотворения.

Когда представители поэтической молодежи писали и публично читали подобные стихи на студенческих секциях или литературных вечерах (до печати у большинства из них дело так и не дошло, максимум – случались публикации в университетских многотиражках), то в этом проявлялись юношеский максимализм и сила личных любовных переживаний. В ответ на упреки в излишней натуралистичности и цинизме Майоров отвечал: «Какой же цинизм? Я так любил... Я чувствую так, как чувствует здоровый человек, со всеми его инстинктами» [12].

Заключение.

Итак, нами были рассмотрены стихотворения, представлявшие собой своего рода отклонения от советского лирического мейнстрима предвоенной поры. Это «декларации эмоциональной независимости» Николая Майорова, Павла Когана и Николая Овсянников

– поэтов, вышедших из первого поколения советской молодежи (и погибших на фронтах Великой Отечественной войны в одном и том же году – 1942-ом), но, тем не менее, демонстрировавших в 1930-е гг. критический настрой относительно некоторых моральных устоев советского общества (лицемерия, асексуальности), а главное – эмоциональной несвободы человека в нем.

Проведенный анализ подтверждает, что установки контроля и самоконтроля над эмоциями, под влиянием веяний сталинской эпохи проникавшие в поэтическую среду и закреплявшиеся в ней, были «органичны» далеко не всем поэтам, и даже вызывали протестные настроения. Так, подмена вектора любовного отношения (вместо чувственной любви к женщине любовь к Родине-Матери) прижилась отнюдь не повсеместно, и сложнее всего – именно среди молодых поэтов (как называл их Василь Быков, «поколение убитых», почти сплошь скошенное войной). Собственное индивидуальное чувство требовало выхода, и в самых ярких своих проявлениях (творчество П. Когана, Н. Майорова, Е. Ширман) лирические поэты добивались права на личное счастье (под которым чаще всего подразумевалось самовыражение в любви) для всех советских людей. Определенный исследовательский интерес может быть направлен к тому, чтобы выяснить, каким образом поэтам удавалось декларировать свою личностную независимость, свободу выражения эмоций, несмотря на складывавшуюся ситуацию тотального табуирования «человеческого». Можно прогнозировать все более активное привлечение поэтических текстов в качестве источников для исследования антропологической проблематики, истории советской повседневности. Как выразительный и многослойный источник, лирика представляет особый интерес для такого интенсивно развивающегося в последние годы направления как история эмоций.

Примечания:

1. Крылова А. Советское личное: «семейно-бытовая» тема в предвоенной советской литературе // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 503–512; Кукулин И. Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов) // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 324–336; Сенявская Е.С. Литература фронтового поколения как исторический источник // Отечественная история. 2002. № 1. С. 101–109; и др.
2. Коржавин Н. «О том, как веселились ребята в 1934 году, или Как иногда облегчает жизнь высокий этический принцип: «Важно не “что?”, а “как?”» // Вопросы литературы. 1995. Вып. 6. С. 48, 50, 52.
3. Левинг Ю. Латентный Эрос и небесный Сталин: о двух антологиях советской «авиационной» поэзии // Новое литературное обозрение. 2005. № 76. С. 144, 145, 156, 157.
4. Тажидинова И.Г. Любовь военного времени: опыт историко-социологического анализа лирической поэзии периода Великой Отечественной войны // Личность. Культура. Общество. 2009. Т.11. Вып.3 (№50). С.439–450.
5. Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. СПб., 2005. С. 69–70.
6. Имена на поверке: Стихи воинов, павших на фронтах Великой Отечественной войны. М., 1975. С. 113.
7. Платонов К.К. Коллектив и личность. М., 1975. С. 34.
8. Сухих Н.И. От стиха до пули // Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. СПб., 2005. С. 23–38.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 371.
10. Датировка 1939 г. находится под вопросом. См.: Сквозь время: Стихи поэтов и воспоминания о них. М., 1964. С. 148.
11. Датировка 1938 г. находится под вопросом. См.: Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. СПб., 2005. С. 326.
12. Куликов Б. Николай Майоров. Ярославль, 1972. С. 41.

References:

1. Krylova A. Sovetskoe lichnoe: «semeino-bytovaya» tema v predvoennoi sovetskoj literature // Sotsrealisticheskii kanon. SPb., 2000. S. 503–512; Kukulini I. Regulirovanie boli

(Predvaritel'nye zametki o transformatsii travmaticheskogo opyta Velikoi Otechestvennoi / Vtoroi mirovoi voiny v russkoi literature 1940–1970-kh godov) // Neprikosnovennyi zapas. 2005. № 2–3. S. 324–336; Senyavskaya E.S. Literatura frontovogo pokoleniya kak istoricheskii istochnik // Otechestvennaya istoriya. 2002. № 1. S. 101–109; i dr.

2. Korzhavin N. «O tom, kak veselilis' rebyata v 1934 godu, ili Kak inogda oblegchaet zhizn' vysokii eticheskii printsip: «Vazhno ne “что?”», a “как?”» // Voprosy literatury. 1995. Vyp. 6. S. 48, 50, 52.

3. Leving Yu. Latentnyi Eros i nebesnyi Stalin: o dvukh antologiyakh sovetskoi «aviatsionnoi» poezii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2005. № 76. S. 144, 145, 156, 157.

4. Tazhidinova I.G. Lyubov' voennogo vremeni: opyt istoriko-sotsiologicheskogo analiza liricheskoi poezii perioda Velikoi Otechestvennoi voiny // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2009. T.11. Vyp.3 (№50). S.439–450.

5. Sovetskie poety, pavshie na Velikoi Otechestvennoi voine. SPb., 2005. S. 69–70.

6. Imena na poverke: Stikhi voinov, pavshikh na frontakh Velikoi Otechestvennoi voiny. M., 1975. S. 113.

7. Platonov K.K. Kollektiv i lichnost'. M., 1975. S. 34.

8. Sukhikh N.I. Ot stikha do puli // Sovetskie poety, pavshie na Velikoi Otechestvennoi voine. SPb., 2005. S. 23–38.

9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. M., 2003. S. 371.

10. Datirovka 1939 g. nakhoditsya pod voprosom. Sm.: Skvoz' vremya: Stikhi poetov i vospominaniya o nikh. M., 1964. S. 148.

11. Datirovka 1938 g. nakhoditsya pod voprosom. Sm.: Sovetskie poety, pavshie na Velikoi Otechestvennoi voine. SPb., 2005. S. 326.

12. Kulikov B. Nikolai Maiorov. Yaroslavl', 1972. S. 41.

УДК 94(47) «1931/1939»:81-1

«Декларации эмоциональной независимости» в советской поэзии 1930-х гг.: историко-социологический анализ

Ирина Геннадьевна Тажидиноva

Кубанский государственный университет, Российская Федерация

350063, г. Краснодар, ул. Кубанская Набережная, 4.

Кандидат исторических наук

E-mail: tajidinova@yandex.ru

Аннотация. Поворот к культурно-антропологическому измерению прошлого ведет к переоценке значения художественной литературы как исторического источника. Статья раскрывает возможности лирики для исследования эмоциональных переживаний человека 1930-х гг., истории советской повседневности. Анализируются стихотворения молодых поэтов (П. Когана, Н. Майорова, Н. Овсянникова), которые могут рассматриваться как «декларации эмоциональной независимости». В них авторы выдвигают претензии к лицемерию и асексуальности, культивировавшимся в советском обществе. Они выступают за свободу выражения эмоций, прежде всего, любовного чувства.

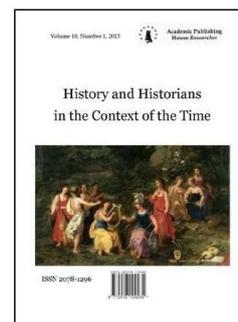
Ключевые слова. Историческая антропология, история эмоций, советская повседневность, поэты 1930-х гг., личностная независимость, любовь, свобода выражения эмоций, внешняя и внутренняя цензура, лицемерие, асексуальность.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2014.
ISSN: 2078-1296
Vol. 12, No. 1, pp. 55-61, 2014

DOI: 10.13187/issn.2078-1296
www.ejournal3.com

UDC 93

Various Causes of the Stagnation of Rural Production in Slovakia During the Collectivisation 1951–1952

Vladimir Varinsky

Matej Bel University, Slovakia
40 Tajovského Str., 974 01 Banská Bystrica
Ph.D. (History), Professor
E-mail: vladimir.varinsky@umb.sk

Abstract. According to the study, unrealistic assumptions on better economic results generated especially through the fast transformation of collective farming (JRD) into higher forms of production were one of the main reasons behind the failure to fulfill targets in agriculture in Slovakia during 1951 and 1952. Though these forms achieved higher profitability compared to private farmers, they lacked the production condition needed to substitute a private sector.

Keywords: collective farms, profitability, administrative and directive management, the law of value, controlled market.

Introduction.

After the international situation got worse in 1951, the government in Moscow put pressure on Czechoslovakia to rework the tasks outlined in the 5-year plan. Priority was given to heavy industry and all other parts of the national economy were subordinated to this aim. Agriculture was no exception.

Materials and Methods.

The study is based on the research of archival documents of party political provenience (the Presidium of the Central Committee of the Communist party of Slovakia and the Secretariat of the Central Committee of the Communist party of Slovakia), published statistical data and period specialist literature related to economic issues. The direct method of research was used predominantly; however, an indirect approach was also employed in ascertaining the reliability of statistical data. Considerably different results in management of collective farms have been found.

Discussion.

During the later part of the 5-year plan, agriculture in Slovakia was supposed to increase production from the originally planned 27,3% to 64,5% (from 1951 it was an increase of 37%) and an increase in plant production was one of the main goals [1]. Such a drastic increase of plans in agriculture had no real justification and caused unrest, mainly because even lower plans were not fulfilled during previous years. This increase was to be achieved by increased initiative of the workers, the shock-worker union and by finding new forms of work. However most was hoped from the fast transformation of collective farming (JRD) into higher forms of production. In other words, the transformation into socialist mass production in agriculture, which was represented by

collective production in farming was supposed to fulfil these aims. This was caused by the naive assumption regarding mass production that the horizontal integration of private economies will bring substantial increase in global production including agriculture [2]. Later it was revealed that the increase of work productivity is an important, but not the most important condition in agricultural production [3].

National goals regarding productivity in Slovakia were to be fulfilled by the same transformation of collective farms into higher production forms, which was supposed to increase the interest in creating new collective farms (JRD). The preference of collective farms and state properties (ŠM) was rationalised by their higher relative effectively regarding market price [4], because in this figure the collective farms and state owned properties showed higher numbers than the private sector [5]. However, the fact that the collective farms and state owned farms had only a negligible share in agricultural production was purposely omitted. The ratio between these types of farming was levelled off in 1959 [6]. Similar results were seen in the other sectors of economy, where the ratio was levelled off in 1958 [7]. This shows that the better results of the collective farms and state owned farms were not because of better production rates, but were the effect of pressure from government structures. This meant that the collective farms and state owned farms were compromising with the government and offered higher amount of products at their own costs and needs. To be more precise, it has to be stated that the collective farms were creating fictive numbers because of the so called evidence repurchase. This was caused by the efforts of the repurchase agencies to fulfil plans as fast as possible and because of that they bought the products only on paper without them actually moving. This was the case especially with grain which was bought even before the harvest, without any guaranty that there will be enough grain [8]. These realities underlined that the collective farms and state owned ones were not in a condition to replace the private sector. There is no doubt that the people involved knew what was happening, but they rather kept their eyes shut and omitted the problems [9]. This was also because of propaganda aims, to show that collective farming was more efficient than the private sector, however the truth was that the agricultural production stagnated. Paradoxically this pressure on collective farms, which were to become the shop-window to the private sector, caused the stagnation of agricultural production in Slovakia.

The next cause, which negatively influenced the agriculture in Slovakia, was the way the national economy was governed. In Czechoslovakia the first 5-year plan was gradually transformed to a centrally governed system, which did not include possibilities of personal interest and rather created a bureaucratic form of leadership. The formation of a centralized system of government was justified by the theses of the incompatibility between socialist planned economy and the free market. Socialism was seen to be completely organized and controlled society [10]. The most important control apparatus was the plan. The goal was that the whole agricultural production would follow the plan. In Czechoslovakia like in other people's republics, the so called normative economics was the way how the plan was fulfilled. The plan was seen as the will of the society, and so the goals of the plan were the needs of society and not the capacity of economy [11]. This understanding of economy connected with an administrative way of leadership meant that the plans were too complicated (for example each agricultural company had to deal with exactly one type of product, size of land which is to be sowed and the rate of production), too optimistic and not suitable due to the landscape and earth type. The pages of economic newspapers were filled with demands to fulfil plans in spite of unsuitable weather and other conditions and that one has to fight the nature so that the society can prosper [12].

The negative aspects of bureaucratically created plans for agriculture meant the transformation of immediate producers into plan fulfillers. These plans however were in contrast with the actual experience and capabilities of agricultural production. This change also meant that the workers in agriculture lost interest in increasing production figures, because they were constrained by the detail planning. This attempt to control agriculture through administrative means was increased during 1951–1953 and culminated in 1952, and was the main cause of the stagnation of agricultural production.

It has to be stated that even within the centralized system, there were possibilities to use economic instruments, especially in the repurchase area. The aspects of the newly-created repurchase system [13] stated that the workers themselves should assist in creating agreements between production and supply companies, which was supposed to motivate them. At the same

time it was expected that purchase of products would only take a certain amount of goods from the collective farms and the rest could be sold on the free market, which would stimulate production increase. This form represented an improvement compared to the strict supply system of 1945–1948; however it was not successful in Slovakia. To completely eliminate free trade, the state created the so called above-contract purchase system, which bought up the rest of the farm production and put it in state funds. According to statistics, state purchase bought up only a small amount of total market production up until 1954. The main part of market production was bought by state repurchase.

The causes were the aspects, how the individual farmer was supposed to fulfil the plan. The size of the consignment was supposed to be discussed; however their real size was set up according to the whole plan, without considering the real production capabilities. Each increase in production usually meant an increase in supplies. Of course this praxis meant less interest of the individual worker to increase production [14].

In the situation where the production and supply demands were increasing every year, the real value of the products was usually ignored, which meant lesser stimulation of agricultural producers [15]. The usual form was that the agricultural producers were forced to sell at a lower price to the state, as the real market price. This meant that the production costs were not taken into account and were usually higher than the sell price [16]. High supplies and low prices took considerable resources away from private owners, as well as collective farms and they were often not able to guarantee simple reproduction. These deficiencies were most prevalent during 1951–1952.

The private sector had its own specifics. It owned the majority of agricultural land and formed the main part of market production; however it did not form the main part of industrial demand. The causes were mainly a decrease of production of consumer goods and small businesses (like they were not existent anymore) [17], as well as a lower demand by private agricultural workers [18]. In time this was interpreted as insufficient propagation of farm seed exchange between worker [19]. However the main cause was the insolvency of the private sector or in other words, the unfair exchange between the state and the farmers.

In spite of these adverse conditions the first plan for private farmers from 1951 stated that they were supposed to increase production and supply [20]. The difference between the needs and real capabilities got bigger. The private sector had only limited capability in this regard, especially because of the uneconomical sell of agricultural products to the state. Repurchase was therefore a forceful act and did not become a productive aspect of the relationship between the farmer and the state. The situation was especially complicated in Slovakia, as there was pressure to even out the supply from Czech lands. This caused a supply demand increase of 100 to 400% in 1949. If the farmers did not sign the contract, the local national council could impose it [21]. This would explain, why market production increased each year, but real production stagnated. This situation eased in 1955, when the freedom of creating contracts was re-established for some less important agricultural goods. This was agreed upon during the X. rally of the Communist party of Czechoslovakia.

The collective farms were in a relatively different situation. Their prosperity was the main aim of the regime. The intensity of the support varied, but it remained a long term aim to support the collective farms at the cost of the private sector [22]. Increased investment in agriculture during 1951, were meant to support collective farms. A double increase in investment into agriculture aimed to mechanise the field work, as well as compensate the drop of workforce in the sector. This aim was not fulfilled. In 1951 the investments in Slovak agriculture rose only slightly and compared to other sectors, they decreased. During 1952 and 1955 this tendency started to show in absolute numbers [23]. More important changes were made in the structure of investments. The orientation to create new collective farms with common economy began in 1950 and it was necessary to move the investments into the building sector to create stables, stall and other buildings. As these investments were small in Slovakia, they could not fulfil the demand. Investments into mechanisation were also lowered, between 1951–1953 in spite of the fact that the workforce drop was 15% compared to the expected 5%. This meant a total of 330 thousand people would move away from agriculture. Approximately 100 thousand from this number included Slovakia. This sharp decrease was not compensated by mechanisation and the collective farms suffered.

After the rally of the Communist party of Slovakia in May 1950, a campaign was started to rapidly increase the number of production collectives. The number of collective farms increased threefold [24], but it also created a sharp contrast between the number of the workers and the size of the land owned by the collective farms [25]. Due to this a significant number of small collective farms were created. They possessed little land and adjacent agricultural establishments. This situation was made worse when they received so-called foreign land. And so it happened that in 1951, a single workforce in collective farms of the III. and IV. type had to work on 7,21 ha of agricultural land. This was in sharp contrast to the private sector where only 3,13 ha of land were managed by a single workforce [26]. The negative effects of having insufficient mechanised equipment were especially apparent in collective farms. This was the case of industrial crops, root-crops and livestock production where mechanisation was almost non-existent [27].

The severe workforce deficiency in collective farms was increased in late 1951 due to the stiffening of the food-card system (the food-card system was again introduced in early 1951) and industrial product card system. According to the edict of the Minister of inner commerce from the 19th December 1951, the members of collective farms whose farms did not fulfil plans to 100% were not given cards to certain products [28]. For example if a collective did not supply enough meat or eggs, but oversupplied with grain its members were still not given cards for sugar or clothing. The repercussions soon followed. Collective farms were not able to fulfil supply due to various reasons. Therefore 95% of collective farms suffered from the card system [29], what negatively affected the workforce number. At the beginning of 1951 collective farms in Slovakia had 58 756 stable workers and this was lowered to 19 710. The migratory process within the collective farms was further increased in the first half of 1952. Great numbers of workers, metal workers, builders (mostly communists) left the collective farms, even though they previously followed the orders of higher types of collective farms [30].

On the other hand, the card system further decreased the interest of farmers to work on their fields. They rather moved to work on their own crofts [31]. The effect was that in 1951 the collective farms had severe problems to meet deadlines for agricultural work. In 1951 collective farms in Slovakia were able to finish spring work only thanks to voluntary work. The interesting fact is that two-thirds of the stable workers did not even take part in the spring works [32]. Of course this also caused little interest of the young population to join the agricultural sector. This concluded the devil's ring of various actions and reactions. At that time it was seen by high representatives of the party that only harsh administrative and directive orders could solve the situation. Because of this from 1951 onwards, formal contracts were not very important and increased plans were created by the administration. At the same time cases started to appear where the local national councils forced farmers to work a certain amount of time on the collective farms [33]. Collective farms, especially in the problem-ridden Prešov County, started to become a part of the repressive system.

Based on the presented facts, it is clear that even though the collective farms were widely supported, they suffered greatly because of the various negative economic policies of the state. In spite of clear evidence that the creation of higher types of collective farms is a wrong way to increase agricultural production, the party and state organizations planned to speed up the creation of these from June 1952 onwards. Party functionaries in counties and districts saw this as a clear move towards collectivisation. The results of this campaign were contradictory. Three months after the declaration 403 collective farms of the III. and IV. type were created in Slovakia [34]. On the other hand, farmers who were forced to join collective farms were not actively participating in common works and felt deep resentment towards the government. The fast creation of collective farms quickly worsened the situation. In addition the mechanisation lacked considerably as the farms were created too quickly. Because of this (the year 1952 is classified as infertile) plans for the harvest for 1952 were met only in very minor aspects, livestock production was insufficient and the tempo of agricultural production in Slovakia was lowered overall [35].

Conclusion.

This was not the case of one year. The goals of the 5-year plan were also not met. The gross agricultural production in Slovakia in 1953 compared to 1948 was a little higher than in the Czech lands; it still did not meet the planned numbers. Livestock production which was supposed to increase by 98%, got up by only 28,3% and plant production only by 16,6% [36]. The agricultural

production from 1953 in the whole country in general was lowered by 2,1 % compared to 1950 and livestock production was lowered by a staggering 17,5%.

References:

1. Zasadnutie ÚV KSS v dňoch 18. – 20. apríla 1951. Bratislava: ÚV KSS, 1951. P. 68. (Gathering of the main body of the Communist party of Slovakia)
2. Look at: Vydra V. Úloha výkupu v ekonomickém svazku dělnické třídy a rolnictva. Období industrializace ČSSR. Praha: ČSAV, 1963. P. 101.
3. Even though work efficiency in agriculture rose two-fold by 1960, real agricultural production was less than pre-war levels. Look at: Vývoj československého zemědělství v období 20 let (v číslech). Praha: MZLH, 1966. P. 53, 59.
4. It's a category which defines market production from total agricultural production.
5. In 1953 collective farms had marketability of 48,6%, state owned farms 78,4% and private sector 36,5%. The numbers are from: Vojáček A. Vývoj socialistického poľnohospodárstva na Slovensku. Bratislava: Príroda, 1973. Tables P. 186, 187, 236, 237, 265, 266.
6. For example in 1953 total agricultural production came: from collective farms 25,8%, private sector 65,7%, state owned farms 8,4%. Numbers are from: Vojáček A. Vývoj socialistického poľnohospodárstva na Slovensku. Bratislava: Príroda, 1973. Tables P. 186, 236, 265.
7. In 1953 market production from collective farms was 29,1%, private sector 55,5%, state owned farms 15,5%. Numbers are from: Vojáček A. Vývoj socialistického poľnohospodárstva na Slovensku. Bratislava: Príroda, 1973. Tables P. 187, 237, 266.
8. For example repurchase organizations bought up grain and potatoes that was later sold as food to the collective farms. The collectives then again sold these to repurchase organizations. Differences were only in price. A similar case was for barley. Compare: Vydra V. Úloha výkupu v ekonomickém svazku dělnické třídy a rolnictva. Období industrializace ČSSR. Praha: ČSAV, 1963. P. 102-103.
9. During the cold war, this was attributed to enemy activity and sabotage. Compare: Štefanský M. Studená vojna. Slovensko 1946-1954. Bratislava: VHÚ, 2008. P. 150-153.
10. The transformation towards centralized planning and leading the national economy ended in 1952. Vojáček A. Vývoj socialistického poľnohospodárstva na Slovensku. Bratislava: Príroda, 1973. P. 548.
11. The idea to build the plans according to the needs of the society was stated also by V. Široký during the meeting of the Communist party of Slovakia in november 1949. Roľnícke družstevné noviny. 1. december 1949. P. 572
12. Look at: Kňákal J. Některé problémy plánování zemědělské výroby. / J. Kňákal // Plánované hospodářství. 7/1951. P. 489.; Volavka A. O novém způsobu sestavování plánu v zemědělství / A. Volavka // Plánované hospodářství. 7/1952. P. 529.
13. From 1949 the total repurchase system was dissolved in Czechoslovakia and a new one was created based on contracts. From 1950 only a single contract was signed with the whole village or community. This form was not applied in Slovakia. Look at: Vojáček A. Vývoj socialistického poľnohospodárstva na Slovensku. Bratislava: Príroda, 1973. P. 553.
14. Vydra V. Úloha výkupu v ekonomickém svazku dělnické třídy a rolnictva. Období industrializace ČSSR. Praha: ČSAV, 1963. P. 57.
15. During this time there was the notion that in socialism only necessary essential items are to be created and the price is not that important. Vydra V. Úloha výkupu v ekonomickém svazku dělnické třídy a rolnictva. Období industrializace ČSSR. Praha: ČSAV, 1963. P. 55.
16. Compare: Vydra V. Úloha výkupu v ekonomickém svazku dělnické třídy a rolnictva. Období industrializace ČSSR. Praha: ČSAV, 1963. P. 139, 142. For example in Slovakia the price for 1kg of tomatoes was equivalent to the price of the plant. Some products had such low prices that, it was not productive to actually harvest them. This was also the case for some grain types. 1kg of corn cost 354 Kčs, and the farms had to buy it for 398 Kčs. To produce 1l of milk cost 9Kčs, but it was sold for Kčs. Slovenský národný archív (Slovak National Archive (SNA)) Bratislava, krab. 838. Zasadanie Predsedníctva ÚV KSS dňa 23. mája 1953.
17. Fišera Š. O vzniku a upevňovaní robotnícko-roľníckeho zväzku. Bratislava: SVPL, 1956. P. 222.

18. For example in 1950 13 672 wagon carts of fertilizer were sold to the private sector. In 1951 only 11 470 wagon carts. In the same year only 384,5 wagon carts of grain (in 1950– 803) and 96,5 wagon carts of rye (in 1950 – 203). *SNA Bratislava*, krab. 804. Zasadnutie Predsedníctva ÚV KSS dňa 12. mája 1951.

19. Compare: Vojáček A. *Vývoj socialistického poľnohospodárstva na Slovensku*. Bratislava: Príroda, 1973. P. 554.

20. Market production was rising steadily in Slovakia. Gross agricultural production stagnated until 1955 and rose only slightly afterwards. Look at Vojáček A. *Vývoj socialistického poľnohospodárstva na Slovensku*. Bratislava: Príroda, 1973. Tab. P. 186, 187.

21. In 1949 a total number of 403 505 of contracts were made in Slovakia and 22 128 (5,4%) of them were forced by the Local national councils. In the following years the numbers increased to 5-10%. Vojáček A. *Vývoj socialistického poľnohospodárstva na Slovensku*. Bratislava: Príroda, 1973. P. 553.

22. Administrative and economic restrictions of private farmers were supposed to force them into joining collectives. This was the case for prices regarding essential fertilizer, seeds, machinery and others. For example a private owner 1949 had to pay 34,60 Kčs per litre of fuel. The collective paid only 9,60 Kčs. *SNA Bratislava*, krab. 790. Zasadnutie Predsedníctva ÚV KSS 3. 2. 1949.

23. Look at: Vojáček A. *Vývoj socialistického poľnohospodárstva na Slovensku*. Bratislava: Príroda, 1973. Tab. P. 85, 86.

24. On the 15th January 1950 there were 520 collectives of the I. type. On the 31.12. 1950 there were already 1400. From this number there were 324 collectives of the II. type and 484 of the III. and IV. type. Vojáček A. *Vývoj socialistického poľnohospodárstva na Slovensku*. Bratislava: Príroda, 1973. P. 235.

25. There were collective farms, which did not have a single workforce to work the fields. For example in Nový Ďúr the collective had only 260 ha of land and only 6 workers. *SNA Bratislava*, krab. 804. Zasadnutie Predsedníctva ÚV KSS dňa 5. mája 1951.

26. Numbers are taken from Vojáček A. *Vývoj socialistického poľnohospodárstva na Slovensku*. Bratislava: Príroda, 1973. Tab. P. 25, 205, 254, 255.

27. For example sugar beet production rose by an index of 183, but efficiency was lowered to an index of 67. This was the case for potatoes, corn and so on.. Look at: Fišera Š. *Nedocenená podmienka združstevňovania. Dvadsať rokov JRD na Slovensku*. Bratislava: SVPL, 1970. P. 39-40.

28. *SNA Bratislava*, krab. 815. Zasadanie Predsedníctva ÚV KSS dňa 1. apríla 1952.

29. *SNA Bratislava*, krab. 33. Zasadanie Sekretariátu ÚV KSS dňa 16. mája 1952.

30. During 1950 they were represented in collective farms by 50% and additional organs by 65%. *SNA Bratislava*, krab. 797. Zasadanie Predsedníctva ÚV KSS dňa 26. augusta 1950.; From the 1.1.1952 to 1.4.1952 3600 communists left the collective farms. *SNA Bratislava*, krab. 815. Zasadanie Predsedníctva ÚV KSS dňa 1. apríla 1952.

31. The report for the central agency of the Communist party of Slovakia stated that small fields worked by individual farmers became the main income for members of the collective farms of the III. and IV. type. *SNA Bratislava*, krab. 810. Zasadanie Predsedníctva ÚV KSS dňa 22. decembra 1951.

32. Look at: Cambel S. *Roľnícka politika KSČ v období výstavby socializmu na Slovensku* / S. Cambel, V. Skrip, A. Vanko. Bratislava: Pravda, 1978. P. 65.

33. *SNA Bratislava*, krab. 806. Materiál o výsledkoch JRD v Prešovskom kraji prednesený na rokovaní Predsedníctva KV KSS v Prešove dňa 1. augusta 1951.

34. *SNA Bratislava*, krab. 822. Zasadanie Predsedníctva ÚV KSS dňa 30. augusta 1952.

35. Compare: Vojáček A. *Vývoj socialistického poľnohospodárstva na Slovensku*. Bratislava: Príroda, 1973. Tab. P. 186, 187.

36. Vojáček A. *Vývoj socialistického poľnohospodárstva na Slovensku*. Bratislava: Príroda, 1973. P. 550.

УДК 93

**К некоторым причинам стагнации сельскохозяйственного производства
в Словакии в период ускорения коллективизации в 1951–1952 гг.**

Владимир Варински

Университет Матея Бэла, Словакия
974 01, г. Банска Быстрица, ул. Тайовского 40,
Кандидат исторических наук, профессор
E-mail: vladimir.varinsky@umb.sk

Аннотация. Статья, как одну из главных причин неудачи сельского хозяйства в Словакии в 1951–1952 гг., рассматривает нереальную идею достижения выших задач с помощью ускоренного перехода сельскохозяйственных кооперативов (JRD) к более высоким производственным формам. Хотя и имели лучший доход, не были в такой производственной кондиции, чтобы заменили частный сектор.

Ключевые слова: Сельскохозяйственный кооператив, доход, административные и предписывающий управления, закон стоимости, регулируемый рынок.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

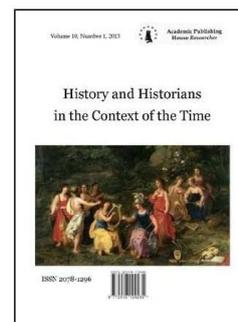
Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2014.

ISSN: 2078-1296

Vol. 12, No. 1, pp. 62-64, 2014

DOI: 10.13187/issn.2078-1296

www.ejournal3.com

Reviews and surveys

Kudinov D.V. *Sumy liberals in the Russian Liberation Movement, 1901-1906: Regional dimension: monograph / D.V.Kudinov. – Sumy: Printing House "Papyrus", 2013. – 160 p.*

Sergey I. Degtyarev

Sumy State University, Ukraine
17 Kominterna St., Sumy, 40009
PhD (History), Assistant Professor

Проблема украинской политической истории начала XX в. уже неоднократно становилась предметом исследований учеными – историками, политологами. Ими изучались события, которые происходили в период Первой российской революции; история формирования первых украинских политических партий, объединений, кружков и т.п.; деятельность на территории Украины в это время российских партий; роль отдельных общественных и политических деятелей в процессах, которые протекали в Украине. Внимание этим и другим вопросам уделялось еще современниками изучаемых событий, но работы последних носили более описательный характер, хотя и включали авторские оценки событий или личностей. В советские времена очерченные вопросы рассматривались исследователями однобоко, заидеологизированно. Идеализировалась роль большевиков и критиковались проявления любой другой политической активности. Современные ученые получили возможность по новому увидеть политическую историю Украины первых годов XX в. Появился целый ряд основательных исследований и небольших, тематически узконаправленных научных разведок, посвященных событиям и людям того периода. Но при этом появляется чрезвычайно мало работ по политической истории отдельных украинских регионов.

Монография кандидата исторических наук Д.В. Кудинова «*Сумские либералы в российском освободительном движении, 1901-1906 гг.: региональное измерение*» состоит из предисловия, четырех разделов, послесловия, списка использованных источников и литературы и списка сокращений. Книга посвящена общественно-политической жизни Сумского уезда начала XX в., в частности зарождению в этом регионе либерального движения. Автор рассмотрел становление и деятельность сумских групп Союза освобождения и Конституционно-демократической партии (КДП) на фоне российского освободительного и либерального движений. По нашему мнению, сумскому исследователю удалось в достаточно полной мере определить роль и место сумских либералов в политических процессах, которые протекали в империи в первые годы XX в., и объективно оценить масштабы их деятельности.

В частности в предисловии (с. 4-14) автор четко обозначил цель, объект, предмет исследования. Ним были детально проанализированы имеющиеся историографические наработки по обозначенной проблематике и источниковая база.

Первый раздел *«Предшественники и буревестники революции: истоки либерализма и деятельность Сумской группы Союза освобождения»* (с. 15-58) посвящен отдельным страницам политической истории Сумского уезда второй половины XIX – первых лет XX вв. Именно народнические кружки и кружки самообразования местной молодежи, по мнению автора, были предтечами организаций местных либералов, хотя, бесспорно, заметно на них повлияли и марксисты, и так называемые толстовцы. Либералы как относительно сплоченное сообщество в регионе оформились в 1901 г. Лидеры же этого движения идейно были втянуты в оппозицию по отношению к монархической власти еще задолго до их открытого конфликта в 1905 г. Значительную роль в деятельности либеральной организации Сумского уезда сыграл один из выдающихся земских деятелей, глава Сумской уездной земской управы П. Линтварев.

Во втором разделе *«От «кровавого воскресенья» до Всероссийской политической забастовки: Сумская группа Союза освобождения на начальном этапе Первой русской революции»* (с. 59-72) автором была описана и проанализирована деятельность Сумской группы Союза освобождения.

Следующий раздел *«От «Дней свободы» до военного положения: Сумская группа партии кадетов в период высшего подъема революции»* (с. 73-117) хронологически охватывает короткий период между 17 октября и концом декабря 1905 г., который стал своеобразным пиком деятельности сумских либералов. Вместе с уездными комитетами левых организаций они добились расширения границ агитации местного населения. При этом для либералов актуальным вопросом была подготовка к выборам в Государственную думу.

Неоспоримой заслугой автора следует считать тот факт, что ему удалось подсчитать численность и установить приблизительный персональный состав Сумской группы КДП, которая оформилась в ноябре. Д.В. Кудинов рассмотрел методы агитации за программу кадетов в регионе, организационные мероприятия либералов касательно сплочения различных оппозиционных сил.

Раздел четвертый *«На скамье подсудимых и в думском кресле: сумские кадеты в период спада революции»* (с. 118-144) посвящен репрессивным мероприятиям против членов Сумской группы КДП и их сторонников.

В послесловии (с. 145-150) автором дается общая характеристика либерального движения, определяется его место в политической жизни Российской империи. Кроме того здесь был сделан акцент на ведущей роли братьев Линтваревых в либеральном движении на Сумщине, а сумские либералы представлены полноценной составляющей тех сил, которые приняли участие в формировании современной политической культуры, закладывании ценностей правового государства и эгалитаризма в общественном сознании.

При написании книги Д.В. Кудиновым были использованы материалы пяти украинских и российских архивов: Центральный государственный исторический архив Украины (г. Киев), Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург), Государственный архив Российской Федерации (г. Москва), Государственный архив Сумской области (г. Сумы) и Государственный архив Харьковской области (г. Харьков). Значительная часть использованных архивных источников была введена в научный оборот впервые.

Но, несмотря на все позитивные моменты, следует высказать также некоторые замечания и пожелания. При написании книги автору было бы логично использовать материалы фонда Конституционно-демократической партии, который хранится в Государственном архиве Российской Федерации. По нашему мнению, монография была бы более полно укомплектована необходимыми составляющими если бы в нее были включены именные и географические указатели. Также на странице 120 после приведенной цитаты из газеты «Волна» отсутствует ссылка на это издание.

В целом автору монографии удалось выдержать взвешенный научный стиль. Книга удачно структурирована, содержит богатый иллюстративный материал. А высказанные пожелания не влияют на научное качество монографии. Данная книга будет полезной для

историков, краеведов, политологов и всех тех, кто интересуется историческим прошлым Сумщины и Украины в целом.

Кудинов Д.В. Сумские либералы в российском освободительном движении, 1901-1906 гг.: региональное измерение: монография / Д.В.Кудинов. Сумы: ООО «Печатный дом «Папирус», 2013. 160 с.

Дегтярев Сергей Иванович

Сумский государственный университет, Украина
40009, г. Сумы, ул. Коминтерна, д. 17
Кандидат исторических наук, доцент